

СВЕТЛАНА
ДЕНИЖЕНКО

Твой обман,
как горечь
ПОЛЫНИ...

Аннотация

Героиня этой истории — юная девушка Лариса собиралась выйти замуж за любимого человека — Алексея — взрослого, сильного, крепко стоящего на ногах мужчину. И совсем не подозревала, что знакомство жениха с родителями резко изменит всю её жизнь.

Молодые люди строили планы на будущее, не подозревая о том, что предыдущая «любовь» Алексея может вернуться к нему бумерангом и перечеркнуть всё раз и навсегда.

Елена — женщина, которая причинила Алексею огромную боль, но тем не менее именно к ней влекло его сердце. Только эта женщина могла сделать его счастливым.

Лариса, Алексей и Елена — стали жертвами любовного треугольника. Метания мужчины между двух дорогих ему женщин приводят к тому, что Лариса оказывается в больнице с ножевым ранением.

Всё в этой истории могло бы сложиться иначе, не стань Елена на пути у собственной дочери.

Светлана Дениженко

Твой обман, как горечь полыни...

— Вот дура!.. Ей жить ещё и жить, а она... — голос какой-то странный, чужой, он проникает в сознание, и тут же на тело наваливается жуткая боль.

Сквозь стиснутые зубы вырывается глухой стон.

— Больно... — синие, тёмно-синие глаза смотрят будто бы сквозь пространство. Умоляющий шёпот слетает с искусанных губ, — Пожалуйста, не спасайте меня... мне очень больно...

Глава 1

— И не лезь больше в мою жизнь! Тебе понятно?! — с силой захлопнув за собой дверь квартиры, Лариса сбежала вниз по лестнице с пятого этажа и вылетела из подъезда. На ходу намотала вокруг шеи шарф и не оборачиваясь, широким шагом пересекла двор, а потом ещё две остановки. Все равно автобусы утром ходят переполненными. Ей и раньше приходилось, чуть

ли не каждое утро, остановки четыре проходить пешком и лишь на повороте, недалеко от дома подруги — Наташки, она заскакивала в троллейбус и то, только потому, что именно с той остановки можно было уже выбирать транспорт. Троллейбусы ходили чаще, но гораздо медленнее автобуса. Вот и получалось, что пешком до кулинарного техникума было добраться проще.

Все ещё дуясь на мать, за утренний — не к месту и не ко времени — начатый разговор, Лариса не сразу заметила, что выскочила из дома в тапочках. Обнаружилось это лишь тогда, когда девушка притормозила на перекрёстке.

— Вот блиин! — процедила она сквозь зубы: на душе и без того скребли кошки, так ещё и это. Представить только, что ей придется войти в аудиторию в смешных домашних тапках, на которых изображена мордочка добродушного котенка... О, нет! Девчонки потом прикалываться весь год будут. Нет — нет! Что угодно, только не это. Лариса ненавидела всей душой, когда над ней смеялись. С детства не могла терпеть насмешек ни от сверстников, ни от взрослых. Мальчишки от неё сразу получали ударом кулака в нос (папа научил самозащите), а взрослые встречали довольно нелестные комментарии в свой адрес и больше никогда не повторяли таких попыток. Ведь никому из них не хотелось услышать: «Ты что, дядя,

дурак?» Тети, как правило, не опускались до таких шуток.

Родители тут же за Лару извинялись, смущенно прятали взгляд, а та не могла взять в толк: им-то за что стыдиться? Она ведь сказала правду. Только глупые люди, по её мнению, могли смеяться над шуткой, от которой нисколько не смешно, а даже обидно. Отец, впрочем, разделял чувства дочери, о чём ей даже как-то сам и сказал, выбрав момент, пока мать общалась с гостями и его не слышала.

— Ты извини дядю Славу, малышка. Он не нарочно... твоя правда, глупая шутка вышла... — это произошло, когда на вопрос дяди Славы:

— Кто это у нас такой грязнуля?

Трехлетняя Лара посмотрела на свое платье и, не заметив грязи, удивленно уставилась на дядю Славу, а тот ухватил её за нос и громко рассмеялся...

— Дядя, ты чего? Дурак что ли?

Дядя Слава поперхнулся своим смехом и как-то сконфуженно посмотрел на родителей Лары, а мама тут же отвела гостя к столу и стала угощать чаем, оставив воспитание дочери отцу.

Папа не ругал Ларису никогда и не бил, да и обычно обходился даже без нотаций. Лишь тяжело вздыхал и спрашивал: «Ну, зачем ты так?» или «Что случилось на этот раз?»

Он давал дочери выговориться, понять и осознать свой поступок. Мать же, наоборот, не давала Ларисе и рта раскрыть — рассуждала сама с собой и делала собственные выводы и правила, которым дочь почему-то должна была потом следовать.

Вот и этим утром. Вместо того, чтобы выпросить: почему Лара пришла домой почти под утро? Мать сделала уже для себя определенные предположения и набросилась на дочь, причём с обвинениями бог знает в чём. Чуть ли не проституткой обозвала, не разобравшись.

Девушка тяжело вздохнула, размышляя, что делать. Домой возвращаться не хотелось. Мать уйдёт на работу ещё только через полчаса. Если ждать её, то на первую пару уже не успеть. И, как назло, прогуливать на этот раз нельзя. Лекцию читает Илья Владимирович. А он дядька вредный, с принципами, потом и к практике не допустит...

Потоптавшись ещё немного возле перекрестка, Лариса решила забежать на пять минут к подруге домой. И, если не застанет её, то Наташина бабушка, Ольга Ивановна, уж точно будет дома. Старушка никуда не выходит без помощи внучки, да и к Ларе очень тепло относится...

Перебежав через дорогу, Лариса прибавила шаг, замечая, что настроение немного улучшилось.

Хорошо, что она догадалась надеть джинсы, а не свою любимую юбку, или того хуже — брючной костюм. Вот бы смотрелись её тапочки с ними! — чуть не рассмеявшись в голос над собой и всей этой дурацкой ситуацией, Лариса перешла на лёгкий бег. Если бы не тяжёлая сумка на плече, то можно было бы и пробежаться. Подумать только! А ведь отчасти именно Наташка виновата, что они вчера задержались на дне рождения Катюхи, её двоюродной сестры. Смотрели индийский фильм и не уследили за временем. Последний трамвай махнул им хвостиком и скрылся за поворотом, на такси денег не было, вот и заночевали на другом конце города. Утром Катюхин отец подвез их к Наташкиному дому, а потом поехал на работу, а Лариса забежала к себе, чтобы переодеться. Осторожно прокралась в комнату, дабы не будить мать и, как на зло, на выходе столкнулась с ней нос к носу в прихожей. Объясниться в двух словах не удалось, поэтому теперь приходилось пожинать плоды свой тактичности. Ну, не могла она отказать вчера девчонкам. И так собирались они вместе редко — после школы пошли учиться в разные места; а тут ещё и повод подобающий выдался, да и посидели хорошо. Катины родители выпили за здоровье дочери и ушли спать пораньше, а девчонки смогли наговориться всласть обо всём — своём, сокровенном, девичьем. Кто же знал, что

утро следующего дня начнется так невесело!

Наташки дома не оказалось, впрочем, Лариса на это и не рассчитывала. Подруга не любила опаздывать, да и учились они в разных местах, хоть те и находились в одном здании. Наташа хотела стать экономистом, а у Лары цифры вызывали уныние, да и математика у неё в школе хромала сразу на обе ноги. Ольга Ивановна впустила девушку в квартиру, извещая о том, что Наташенька, только-только ушла, и Лара может её догнать на остановке, если поторопится.

— Ольга Ивановна, спасибо, — поблагодарила Лариса, — Скажите, а могу я у вас переобуться во что-нибудь? Представляете, выскочила из дома в тапочках.

— Ох, ты ж! — посочувствовала ей старушка, окидывая внимательным взглядом из-под очков. Несмотря на почтенный возраст, Ольга Ивановна следила за собой и всегда выглядела, как игрушечка: чистенькая, в красивых цветастых платочках и вышитых кружевом передниках. Не бабушка, а мечта! Да и характер у нее просто отличный. Сколько помнила Лариса, старушка никогда не пускалась в ненужные расспросы, никогда не умничала и не поучала. Вот и сейчас сразу приступила к делу. — Я тебе Наташины кроссовки дам. Они тебе должно быть в пору будут.

Через несколько минут Ольга Ивановна

вынула из шкафа слегка потёртые кроссовки и передала их Ларисе.

— Да. Как раз, — улыбнулась та, переобуваясь, — Я вечером их занесу.

— Наталье напомни, чтобы не задерживалась сегодня. Нам в поликлинику к трём часам.

— Да, хорошо. Передам, — Лариса вновь побежала вниз по лестнице. Пока этот лифт дождётся! Минуты ускользали с бешеной скоростью. Теперь в голове вертелась главная мысль: «Не опоздать!»

В кулинарный техникум Лариса пошла скорее из вредности. Мать допекала тем, что с её способностями к готовке на ней ни один мужик не женится. Никогда. Потому что путь к сердцу мужчины, как известно, лежит через желудок. Ларисины же первые опыты показали то, что ей на кухне делать нечего, если, конечно, она не хочет отравить всю семью. Поэтому, чтобы доказать в первую очередь себе, что она небезнадёжна, Лара и выбрала кулинарию. И вот уже три месяца учится на специальность: повар-кулинар, заодно ещё ходит на дополнительный английский язык, три раза в неделю, и самостоятельно изучает испанский. Зачем? Правильный вопрос, но отчего-то ответить на него Лариса никому толком не может. Просто нравится, наверное. Впрочем, это ещё один шанс скоротать часы, когда отец в командировке и как-то

спастись от нападков матери. Когда голова занята, то нет времени, чтобы думать о домашних неурядицах. Воспитанием Лары всегда занимался отец, а мать особо не лезла в их отношения. Но как только девочке исполнилось шестнадцать, она впервые испытала на себе внимание матери, о чем жалела по сей день.

— Мне не двенадцать и даже не четырнадцать! — приходилось напоминать о своем возрасте, чтобы не выглядеть посмешищем среди подруг. — Это я не надену!

— Ну и чем тебе не нравится это платье? По-моему, оно очень хорошенькое, — разводила мать руки в стороны, дескать, не угодишь дочке ничем.

— Если оно тебе так нравится, то носи его сама! Мам, мне уже шестнадцать! Могу я сама выбрать: во что мне одеваться, а?

После многочисленных баталий этот вопрос Лара отстояла. Отец — Игорь Сергеевич — поддержал дочь, и общими усилиями они убедили мать в том, что у неё имеется свой вкус. Больше Ларисе не мешали выбирать вещи и даже моделировать их так, как хочется. Оставалось разобраться с личной жизнью, которую мать контролировала сверх меры. И ладно, если бы был повод! Скоро Ларе должно было исполниться семнадцать, но Елену Семёновну не интересовало

то, что девочка давно выросла. Ей проще было считать дочь школьницей, подростком, но не самостоятельным взрослым человеком, с интересами которого стоит хоть иногда считаться. И главная борьба за самостоятельность Ларисе только ещё предстояла. Впрочем, она старалась слишком на этом не фокусироваться. Парня у неё пока не было, а когда появится, там и решится как-нибудь и всё остальное.

Наташкины кроссовки пришлись по ноге, и поэтому Лариса не просто прибавила шаг, а вскоре, действительно, перешла на лёгкий бег. Она успела, влетела в аудиторию вместе со звонком, радуясь тому, что пунктуальный Илья Владимирович на этот раз где-то задерживался. Лара кивнула девчонкам-приятельницам и плюхнулась за свою парту. Группа у них была небольшая — двенадцать человек, поэтому размещались в кабинете свободно: кто, где хотел. Лариса сразу заняла себе вторую парту в правом (ближнем к двери) ряду, со школы любила это место. Перед ней сидели две девчонки: Ритка и Алёнка, а за ней, через парту, ещё две девчонки — Ольга и Светка. Они дружили между собой, только Лариса предпочитала держаться ото всех подальше. Понимала, что после учёбы она вряд ли пойдет работать в общепит или откроет свой ресторан. Лара училась исключительно для себя, а не для общества. В

училище таких групп набиралось три, а кроме них было две группы хлебопекарей.

Едва отдышавшись, девушка почувствовала на себе взгляд и, не сомневаясь в том, что это буравит ей затылок Лаврентьев — единственный парень у них в группе, позволила себе, не оборачиваясь, показать ему кулак. Дескать, только попробуй заложить, что опоздала, дам по шее.

— Ну, ты... Кареловская, — дошел до неё его злой шепот, — Все равно заложу, слышишь?

— Да пошёл ты! — огрызнулась она, оборачиваясь к нему, — Мне чихать! Можешь сколько угодно перед Илюшей на задних лапках ходить, все равно он тебе зачёт не поставит.

— Это ещё почему? — насупился Лаврентьев, смешно сморщив нос.

«А мог бы быть симпатичным, если бы не был толстым...» — отстранённо подумала Лариса, а сокурснику прошептала так, чтобы услышали и другие:

— Да я слышала, что у него аллергия на лаврушку...

Девчонки, сидевшие рядом, засмеялись, а Лаврентьев покраснел:

— Ты-ы! Ну, держись, Каря! Я тебе на перемене покажу, что такое лаврушка и какая на неё аллергия бывает.

— Ой, боюсь, боюсь! — показала она ему

язык и отвернулась, потому что послышались за дверью торопливые шаги, и в аудиторию вплыла директриса. Тамара Ивановна была женщиной высокой и довольно крупной, но толстой её назвать — язык не поворачивался. Казалось, что все объемные места женщины невероятно гармонично сочетаются, а слегка округлое, красивое лицо, сразу же располагает к себе. Директриса Ларисе нравилась и характером — сдержанно-деловым. Жаль, что в школе у них работала совсем другая дама: маленькая и нервная.

Тамара Ивановна коротко сказала о том, что Илья Владимирович сегодня не придет, а вместо его лекции по полезным веществам, они запишут несколько рецептов домашних супов, а ещё — на этот день запланирована уборка территории и только после неё все могут пойти домой.

Лара немного приуныла. Зачем было торопиться, если рецепты можно и дома записать?..

— Каря, держись! — злорадствовал Лаврентьев, — Я тебя в листве зарюю!

Он мог сдержать своё обещание. Роста Васька был большого и телосложение — крупное, только ума в голове, как у третьеклассника.

— Посмотрим, — усмехнулась Лара и подняла руку, привлекая внимание Тамары Ивановны.

— Да, — откликнулась та.

— Тамара Ивановна, — Лариса поднялась с места, — Можно выйти? Что-то мне нехорошо...

Девушка покачнулась и, привалившись к стене, начала медленно оседать.

— Лариса... — Тамара Ивановна оказалась рядом до того, как Лариса досчитала до пяти, — Лариса, что с тобой?

Девушка ничего не ответила, делая вид, что не слышит директрису. Она почувствовала, как её легонько шлёпают по щекам, но не торопилась приходиться в себя.

— Алёна, помоги мне отвести Ларису в медпункт. Василий, прочитай девушкам рецепты, пусть запишут. Приду, проверю, — с этими словами Ларису выволокли в коридор, где она все-таки немного «пришла» в сознание и уже самостоятельно пошла по коридору, но все ещё придерживаемая с двух сторон.

В медпункте ей под нос сунули нашатырь и померили давление, которое оказалось чуть ниже нормы. И после того, как Лара полностью отошла от обморока, ей разрешили идти домой.

— А как же уборка территории? — невинно моргая, поинтересовалась Лариса у Тамары Ивановны.

— Какая тебе уборка? Ты бледная вон вся. Иди-ка домой, а лучше в поликлинику, — махнула рукой директриса и выплыла в коридор,

спохватившись, — У меня же замена сегодня!

— Я тебе сейчас витамины поставлю, — засучивая ей рукав, сказала медсестра, — И в поликлинику тебе направление напишу, к терапевту своему сходи обязательно, анализы сдай. Пусть ещё кардиограмму тебе сделают.

— Ну, ты как? — встретила Ларису Наташа, встревожено заглядывая в лицо.

Недавно прозвенел звонок на перемену, и подруга тут же нашла её. Лариса к себе в аудиторию так и не вернулась, просидела часть урока в коридоре, дыша воздухом из приоткрытого окна. Середина ноября, а на улице пока довольно тепло, даже не верится, что скоро будет зима.

— Нормально, — отмахнулась Лара, — Подумаешь, обморок.

— Вот твои вещи. Домой проводить?

— Да, нет. Я сама доползу, не переживай. Тебе бабушка велела не опаздывать к трём.

— Да, я помню... — Наташа вдруг хитро посмотрела на подругу, — А ты обморок свой, случаем, не придумала?

— Догадливая ты, — усмехнулась Лариса.

Ей и раньше удавалось таким образом сбежать с уроков, правда, в этом деле не стоило перегибать палку. И обычно она не злоупотребляла своими способностями, но подруги — Наташа и Катя были в курсе её проделок и слегка даже завидовали.

Грохнутья в обморок — это вроде не трудно, но нужно ведь было это проделать так, чтобы и медики поверили.

— Вот, зараза! — хохотнула Наташа, — А я, значит, переживаю, места себе не нахожу. Дура ты, Ларка!

— Не-а. Я умная, я сейчас — домой, а наши — территорию убирать.

— Тебе в театральный надо было поступать. Такой талант пропадает!

— Я, может, и поступлю, как-нибудь в другой раз, — Лариса забрала у подруги свою сумку и поцеловала ту в щёку, — Ладно, Наташ. Я почапала. Завтра утром зайду за тобой, почирикаем.

— Мобильник не забудь включить! — крикнула вслед Наташа, — Я до тебя пол утра дозвониться не могла.

— Мне бы его ещё найти, — махнула рукой Лариса и вышла за двери здания.

Небо прояснилось. День обещал быть солнечным. Улыбнувшись тому, что удалось так быстро освободиться и избавиться от Лаврентьева, Лариса поспешила на остановку. Сейчас ей хотелось поскорее очутиться дома, чтобы поспать хотя бы несколько часов — здоровый крепкий сон должен был вернуть не только настроение, но и силы на беседу с матерью. Зная её, можно было не сомневаться, что та обязательно продолжит

утренние разборки.

По пути домой Лариса вдруг поняла, что поторопилась и стоит прежде кое-кого навестить. Тяжесть сумки давала о себе знать. В неё ещё перед тем, как пойти на день рождения Катюхи, Лара положила два увесистых тома с рецептами итальянской кухни. Она хотела спросить у Ильи Владимировича: в чем отличие между спагетти и длинными итальянскими макаронами? И можно ли одно заменить на другое — будет ли отличаться при этом вкус блюд или никто ничего не заметит?

Илья Владимирович был первоклассным шеф-поваром с огромной практикой и теперь учил их группу, как своих поварят: всем секретам русской кухни. Но Лара точно знала, что он специалист не только по щам и часть своей жизни провел в Италии. Да и, кроме того, ей очень нравилась эта страна. Как-то с отцом она туда ездила на отдых, ей лет шесть было, но впечатления остались яркими и тёплыми до сих пор. Правда, Лариса думала не только про блюда поговорить, а вообще перевести разговор на Италию. Теория супов и салатов за три месяца порядком надоела. Они уже две толстые тетради исписали, а к плите, то есть к практическим занятиям все ещё не подошли.

«Интересно, что это с ним случилось?» — подумала Лариса, сворачивая в чужой проулок. Она

приблизительно знала, где живет её преподаватель, даже его подъезд был ей знаком. Лара, ещё когда в школе училась, бегала в гости к Марине Красновой, чтобы вместе делать уроки по математике, поскольку подруга понимала в ней лучше всех в классе и иногда помогала одноклассникам взамен на конфеты и шоколад. Маринка — жуткая сладкоежка до сих пор. Но тогда, в шестом классе, могла душу продать за коробку шоколадных конфет.

И вот как-то между лестничными пролетами они и столкнулись с Ильей Владимировичем — видным, высоким дядькой, которого Лара не могла не запомнить. Ей тогда жутко нравился один артист, сыгравший Артура Грея в «Алых парусах» — Василий Лановой. Так вот, по мнению Лары, Илья Владимирович был очень на того похож, только волосы у него в отличие от Грея оказались чёрными.

Одно время Лариса часто посещала подругу, чтобы с замиранием сердца потом стоять в подъезде и ждать своего героя. Только встретить его получилось всего-то три раза. Зато до сих пор это самые приятные воспоминания. Один раз — он открыл перед ней дверь подъезда, два других — просто здоровался, а в техникуме даже не узнал...

Лариса решила спросить у старушек во дворе: где живет Илья Владимирович — уж они-то точно

должны об этом знать. Ей повезло. Первая же встреченная у дома бабулька подсказала квартиру — двадцать третья, правда, поинтересовалась: кто это к нему идет?

Лара соврала, что она корреспондент и пришла к известному повару, чтобы взять интервью для своего журнала.

— А как журнал-то твой называется? — догнал её вопрос бабульки возле двери подъезда.

— Едим дома, — сказала Лариса первое, что пришло ей в голову, и постаралась поскорее скрыться от любопытной старушки.

В подъезде было мрачно и тихо, лифт, как бывает довольно часто в старых домах, — не работал. Поднимаясь по высоким ступеням, Лариса прошла мимо квартиры подруги, зная, что та сейчас в университете. Марина раньше всегда посмеивалась над влюбленностью Лары, и порой напоминала, что Илья Владимирович женат и счастлив со своей супругой. На что Лариса не обращала внимания, считая: сегодня может быть у него и все хорошо, а вот на завтра, возможно, они с женой поругаются и тогда...

— Ларка, ну и глупая ты! — вмешивалась в её мечты подруга, — Неужели имея красавицу жену, он обратит внимание на сопливую девчонку? Подумай, хоть раз головой, а не гормонами.

Несмотря на то, что в принципе Лариса была

согласна с доводами Марины, её врожденное упрямство не желало уступать и надеяться на чудо никто не мог запретить. Поэтому Лара ждала, вздыхала и грезила о неземной любви несколько лет, а потом как-то все забылось. Она даже номер его квартиры не помнила, хотя должна была бы. Ведь столько дней караулила, как часовой, правда, пост ее находился на один пролет ниже, чтобы если что — успеть спрятаться от его жены или убежать.

Сейчас, вспоминая об этом, улыбнулась: подруга оказалась мудрее: все дело, действительно, было в гормонах.

В отличие от всех одноклассников Марина пошла не в техникум и не в училище, и даже не в институт. Она окончила школу с золотой медалью и теперь грызет юридический гранит науки, а после будет адвокатом. Вот кем можно было бы стать и Ларе, с её-то характером и болезненным отношением к справедливости. Но нет. Знать законы и исполнять их — это одно, а вот использовать свои знания во благо других, зачастую не очень хороших людей — это другое.

Лара поднялась выше ещё на три пролета и остановилась возле нужной квартиры. Постояла некоторое время в раздумьях: что она скажет? Как её встретят? Потом осмелилась и надавила на звонок, тот мелодичной трелью известил хозяев о приходе незваного гостя.

Глава 2

*Бывают дни, когда опустишь руки,
И нет ни слов, ни музыки, ни сил.
В такие дни я был с собой в разлуке.
И никого помочь мне не просил...*

А.Макаревич

Алексей недобро посмотрел на захлопнувшуюся за его спиной дверь. Было огромное желание дать в морду, и ни кому-нибудь, а самому себе. Да, такие дни у него бывали, к счастью, довольно редко: когда весь мир, кажется, настроен против тебя. И начались «приятности» с самого утра: вначале Алексей за завтраком умудрился порезаться о кухонный нож, который зачем-то наточил с вечера. Нарезал им сыр тонкими ломтиками и заодно, будто бы, решил покрошить собственный палец. Можно было бы посмеяться, да только над собой не очень-то хотелось. К тому же, следующая беда не заставила себя ждать: пока ехал в офис, шину проколол. Пришлось срочно ставить запаску, и естественно, он опоздал. Причем на важную деловую презентацию. Партнеры вроде поняли ситуацию, посочувствовали, но время — деньги. Встречу перенесли на конец недели.

— Понедельник, блин! — в сердцах Алексей

стукнул кулаком по столу и ненароком опрокинул подставку под карандаши.

На шум прибежала Ниночка: невысокая миловидная женщина лет тридцати, его секретарь и правая рука. Особа довольно симпатичная и могла бы привлечь его внимание, но каким бы ловеласом ни слыл Алексей среди коллег: с женщинами, работающими под его руководством, он не спал принципиально. Предпочитал не смешивать деловые и личные интересы. Тем более, что уже довольно давно не охотился на представительниц слабого пола. Имелись на то причины и весьма объективные.

— Что случилось, Алексей Викторович?

— Ничего, — процедил он сквозь зубы, собирая карандаши обратно, — принеси мне кофе и позвони Курчатову, назначь с ним встречу на три часа. Скажи: по срочному вопросу.

Ещё даже не наступил обед, а нервы уже натянуты до предела. Алексей испытывал острую необходимость в том, чтобы «выпустить пар» и как-то расслабиться. Вообще-то он по жизни слыл везунчиком. Фортуна всегда была рядом с ним. С самого детства его любили и баловали родители, а когда подрос — учился в школе лучше многих: Бог не обделил талантами, впрочем, Алексей Викторович и сам старался не подвести мать и в глазах отца заметить одобрение.

Мама в нём души не чаяла, впрочем, как и все женщины вокруг. Алёшенька в детстве имел ангельскую внешность: светлые кудри, большие синие глаза, длинные, как у девочек ресницы и очаровательную улыбку, благодаря которой на пухлых щечках появлялись озорные ямочки. Отец ему ни в чём не отказывал, но всё же — строго спрашивал с него за любую шалость.

Поздний ребенок для его родителей стал утешением к старости, вот и берегли и лелеяли. За что Алексей был им благодарен, ибо жизнь — штука подлая, когда рядом не на кого опереться. Это он понял ещё в армии. От которой не просил, чтобы его уберегли. Наоборот, сам захотел стать мужиком. Собственно и стал им, тут пригодилась физическая подготовка, полученная в детстве в спортивной школе по самбо. Смог отстоять себя, смог кое-что понять о жизни.

После он восстановился в институте, а когда окончил, отец взял его в помощники, ввел в бизнес и через время передал ему в управление дочернее предприятие. Старший Сальников давно занимался строительным бизнесом и открыл в городе сеть магазинов под названием «Мастерок», где продавали все, что только может понадобиться для ремонта и обустройства жилья. Алексей Викторович пошёл по стопам отца и даже дальше. Если Виктор Иванович свою продукцию поставлял

в основном на внутренний рынок, то сын постарался продвинуть товар на внешний и у него это получилось. Кирпич всегда пользовался спросом. И теперь зарубежные партнеры вставали в очередь за продукцией из Российского города К.

В общем-то, у Сальникова в жизни всё складывалось более, чем хорошо. Двадцать восемь лет, а уже директор собственной фирмы. Многие друзья завидовали не только этому, а ещё тому, что он умудрился остаться холостяком при такой ангельской внешности. Да, конечно, Алексей Викторович Сальников уже не круглощекий малыш: он давно вырос, раздался в плечах, стал на голову выше отца, хотя и тот не маленький, рост — гораздо выше среднего. Никто и не думал, что невысокий, кругловатый паренек, вдруг в седьмом классе станет тянуться вверх и вырастет до метра девяносто трех, как показывал ростомер в медицинском кабинете.

Девушки на него заглядывались всегда, но Алексей был придирчив и дружил не со многими. Сейчас он кудри свои стриг, а роскошные ресницы прятал под затемненными очками. Увы, зрение стало падать в том же седьмом. Линзы он терпеть не мог, а очки предпочитал со светоотражающим затемнением. Так было проще глазам, по крайней мере, Алексей чувствовала, что они меньше у него устают, хотя дома носил обычные.

Немного повременив, он все-таки позвонил ей. Елена была той женщиной, той отдушиной в жизни, которая позволяла ему оставаться собой и в самых трудных ситуациях не опускать руки. Между ними не было никаких обязательств, они просто получали взаимное удовольствие от близости и расставались так же, как и встречались, без длительных уговоров и душевных бесед. Он почти ничего о ней не знал, лишь только то, что она открыла ему сама: замужем, воспитывает дочь. Он тоже был немногословен, его сводил с ума запах её тела, шелк её волос, мягкость и податливость губ. Она принадлежала ему, пусть на час, но это время только для него. Он это чувствовал, знал и отдавал себя всецело, дарил ей столько нежности и тепла, насколько был только способен. И как это не парадоксально — хранил ей верность.

Три года они встречались тайно, часто по звонку договаривались об очередном свидании. Ему нравилась стабильность, особенно в отношениях с дамами. Алексей ненавидел непостоянство. У него до Елены были и другие женщины. Некоторое время он встречался с девушкой, которая ежеминутно признавалась ему в любви, и сейчас стоило лишь позвать, как она прибежала бы, да только Алексей больше не желал её так, как раньше. Это словно бы хорошее вино променять на кислую дешёвую настойку на ягодах. Елена была

дорогим вином: терпким, дразнящим, притягивающим, возбуждающим, манящим... с богатым послевкусием. Алексей готов был пить его хоть всю жизнь. И плохо понимал, как мог обходиться без этой женщины до их встречи.

В тот памятный вечер он возвращался поздно домой, ехать пришлось на транспорте, поскольку обмывали рождение сына его друга. Засидевшись в гостях, Алексей не уследил за временем, а спохватившись, едва успел на последний маршрутный автобус. Он никогда не напивался до беспамятства, всегда придерживался меры, поэтому по нему трудно было определить количество выпитого: что одна рюмка водки, что пять — никакой разницы. Во всяком случае, внешне он выглядел трезвым. Его не шатало, хотя в голове слегка толкались мысли, да и настроение было хорошим, лёгким каким-то. Радость за друга — Павла Косых, с которым в школе они делили одну парту, — переполняло сердце. Надо же! Тот стал папашей, а ведь они ровесники. Мог бы и Алексей иметь уже ребёнка, и что-то ему подсказывало — вряд ли он остановился бы на одном. Ещё бы женщину найти для этого подходящую. В сущности, задумался об этом Сальников впервые и то на пьяную голову, впрочем, сама идея о том, что и он когда-то станет отцом, согревала душу.

В автобусе было мало народу, всё-таки не час

пик. Мирные жители давно сидели по домам, а некоторые уже наверняка спали крепким сном. Алексей постоял немного, держась за поручни, потом решил сесть: в ногах правды, как известно, нет. И хотя Сальников с детства знал другой факт — в попе правды тоже не найти, но стоять в пустом автобусе показалось ему глупым. Он прошёлся по салону и плюхнулся-таки на заднее сиденье. Там приготовился уже вздремнуть, поскольку до дома предстоял путь неблизкий — остановок пять, к тому же довольно длинных, как автобус резко притормозил. И в открывшиеся двери вошла она. Кутаясь в коротенький плащик, девушка благодарно кивнула водителю, и прошла в салон. Алексей намётанным взглядом пробежал по точёной фигурке. И понял, что эта запозднившаяся блондиночка очень даже ничего.

— Ваш билет... — вяло поинтересовался у неё кондуктор, как недавно и у Алексея, но увидев проездной, кивнул, да вновь уселся на свое место.

Сальников слегка наклонился вперед, чтобы рассмотреть лицо девушки. Она отвернулась к окну, будто бы пыталась что-то увидеть за стеклом. Осенью рано темнеет и ночи, пока не выпадет снег, кажутся чернее ваксы. Хорошо, если ещё живешь на освещённой улице, а если нет, то крадешься, будто по минному полю, боясь оступиться и подвернуть ногу на какой-нибудь кочке. Дороги в

городе ровные только в центре и его окрестностях, а на окраине — кочки и колдобины такие, что можно добираться — либо на внедорожнике, либо пешком. Таксисты в некоторые районы города по этой же причине отказывались выезжать. Родители Алексея жили как раз в уютной квартире в центре города, а вот он сам поселился почти на окраине, там, где воздух чистый, — до соснового бора рукой подать и недалеко от дома течет красавица — река. Любил Сальников рыбачить, да и грибы собирать никогда не отказывался, даже грибное место у него в лесу имелось своё, приметное. Ещё, когда дед брал его с собой, чтобы подружить с природой, маленький Алёша подмечал за ним: что и как делать. Теперь уже давно нет дела, а внук перенял его знания, потом, может, и своим детям передаст.

Алексей жил на освещённой стороне улицы и его дом, пятый по счету, если идти от автобусной остановки, тоже имел возле крыльца два ярких фонаря. Так что заблудиться он не боялся. И хотя на общественном транспорте ездил редко, все же ему доверял больше, чем таксистам. Да те привезли бы его разве что к остановке, от которой все равно пришлось бы шагать на своих двоих.

На этот раз внедорожник — Фольксваген Туарег — Сальников оставил припаркованным у дома друга, но не очень переживал по этому поводу. Потому что на завтра у него выдался

выходной, значит, можно было бы и выспаться как следует, а после за машиной вернуться, да к родителям заехать — давно матери обещался. Обо всем об этом он думал отстранено, украдкой разглядывая лицо незнакомки. В стекле отражалась лишь тень от той природной красоты, которой обладала эта девушка на самом деле: тонкие брови, пушистые ресницы, прямой нос, чуть пухлые губы... Он не успел отвести взгляд, как она поднялась со своего места, направляясь к выходу, и едва посмотрела в его сторону медовыми глазами, как он понял — пропал. Алексей поспешил за незнакомкой на выход, не отдавая себе отчет: зачем он это делает. Просто внутри него будто что-то ухнуло вниз, даже пот прошиб, когда девушка на него так посмотрела. Столько всего было в этом взгляде: глубокая не то боль, не то печаль или, быть может, грусть? И сразу захотелось её утешить, обнять, покрепче прижать к себе...

Некоторое время он шёл за ней чуть в отдалении, а потом решил приблизиться, о чём — пришлось пожалеть. Он не заметил, как она это проделала, но буквально через несколько секунд после того, как дотронулся до её плеча рукой, оказался на земле у ног девушки, причем, весьма стройных ног — уж это-то от его глаз не ускользнуло ещё в автобусе. Да, его натренированное тело, его черный пояс самбиста

пропустили этот трюк.

«Пить надо меньше!» — усмехнулся Алексей самому себе, пытаясь всё-таки понять: как она смогла его, который не то, что на две головы выше неё, так ещё и в плечах довольно широк, уложить на обе лопатки, почти без усилий?

— Кто вы и почему преследуете меня? — спросила девушка, вынимая из сумочки мобильный телефон.

— Человек. Хотел вас проводить. Темно же... страшно... — откликнулся Алексей, пытаясь подняться на ноги.

— Не вставайте! — скомандовала девушка, да так, что он послушно замер, — Я звоню в милицию, сейчас за вами приедут.

— Пойдите, не нужно в милицию. Честное слово, я не маньяк и не бандит, у меня и документы с собой есть, можете мой паспорт посмотреть, — он протянул ей документы и всё-таки сел.

Девушка, прищурившись, потому что свет от фонаря за её спиной слишком слабо светил, заглянула в его паспорт.

— Так вы не... а зачем вы меня хватали за плечо? Зачем шли следом?

— Я не хватал. Я дотронулся, — попытался оправдаться Алексей, — Следом вышел, чтобы проводить вас, а потом решил познакомиться... вот таким... оригинальным способом...

— Да уж, — лёгкая улыбка коснулась её губ, а потом девушка вновь насторожилась, — А вы точно не маньяк?

— Точно. По крайней мере, утром ещё им не был. Можно я поднимусь? Холодно на земле и жестко.

— Да, конечно. Поднимайтесь.

— Здорово вы меня приложили, — заметил он, вставая и отряхиваясь от пыли. — Что это был за приёмчик такой?

— Самооборона, — пожала она плечами, — Айкидо, может, слышали о такой борьбе?

— Да, вроде, что-то слышал, — Алексей недоуменно уставился себе под ноги, пытаясь вспомнить всё, что знает про эту японскую борьбу. Оказалось, что немного. Только то, что эта борьба направлена действительно на самооборону: на отражение удара противника и в ней нет приемов нападения. — Интересно, как я не заметил ваш удар?

— А его и не было. Я спровоцировала ваше падение, а упали вы сами. В этом и заключается айкидо — увернуться и направить удар противника на него самого. Ну и кроме того у меня чёрный пояс, у вас не было шансов что-то заметить.

— Ну, вообще-то был, — усмехнулся он, — у меня тоже чёрный пояс, но только по самбо.

— Серьезно? — девушка вдруг засмеялась —

звонко, легко, будто сбрасывала с себя напряжение.

Алексей смотрел на неё, и глупо улыбался, сам не зная чему. Ему нравился её смех, и он признавался себе в том, что мог бы слушать его, не уставая. Даже спустя три года, ему доставляло огромное удовольствие вслушиваться в переливы её голоса — мелодичного, звонкого, живого...

Тогда она так и не позволила себя проводить. Они распрощались недалеко от её дома. Подавая ему свою тонкую кисть, девушка вдруг решила представиться:

— Елена.

Он совсем забыл, что до этого они так и не познакомились:

— Алексей, — сжал легонько её пальцы своими, а потом долго провожал взглядом удаляющуюся фигурку в светлом плаще. Домой он доплелся почти к утру и плюхнулся спать, не раздеваясь. Во сне к нему пришла Елена, и они о чем-то тихо беседовали на кухне, кажется, при этом пили чай с клубничным вареньем.

Проснувшись, Сальников понял, что допустил самую роковую ошибку в своей жизни: ни номера телефона, ни квартиры девушки он не знал. Обозвав себя идиотом, Алексей поплёлся в ванную и долго стоял под холодным душем, пытаясь вернуть спокойствие своему сердцу.

Спустя два дня, он очень удивился, когда его

позвали спуститься на ресепшен, заявив, что его ожидают по важному вопросу.

— Кто? По какому вопросу?

— Какая-то женщина. Говорит, по очень важному.

Не добившись ничего толком по телефону, Алексей быстрым шагом пересёк коридор и спустился на первый этаж. Ему и в голову не могло придти, что ожидающей его дамой окажется та самая девушка, Елена.

В первое мгновение он слегка опешил, но вскоре взял себя в руки и даже улыбнулся, приветствуя гостью.

— Добрый день, — подхватил Алексей её под локоток и отвел в сторону от любопытных глаз девушек с ресепшен. — Признаться, не ожидал. Как ты узнала, где я работаю?

— Здравствуй. Ты оставил у меня свой паспорт, — Елена достала документ из своей сумочки, — Я не сразу заметила его. Извини. А узнала по визитке, в паспорте одна как-то оказалась...

Он понял, что это судьба и больше Елену от себя не отпустил, пока не выведал её номер телефона. И потом как-то все закрутилось само собой. Ему было с ней очень легко, ей, похоже, тоже нравилось его общество. Однажды вечером она позвонила в его квартиру и попросила

разрешение остаться до утра.

— Дома очень одиноко. Я не могу быть долго одна. Не прогонишь?

— Что ты? Конечно, нет, — Алексей посторонился, пропуская гостью, — Проходи.

Его квартира-студия была заполнена снимками. Он любил фотографировать. Эта страсть с детства была тоже привита дедом. Тот фотографировал птиц, а потом подолгу любовался пернатыми созданиями, но уже с помощью своих снимков. Алексею нравилось фотографировать: дома, улицы, площади и фонтаны, но больше всего — ночной город, в свете фонарей, где за каждым углом прячутся причудливые тени. Ещё ему нравилось ловить в кадр лица, где довольно четко видны взгляды, эмоции. Иногда попадались очень интересные. Пока он готовил кофе и возился на кухне, его гостя рассматривала фото, которые он развесил, вместо обоев, по стенам.

— Ты хороший фотограф, — похвалила она.

— Да так, балуюсь понемногу.

— Мне кажется, ты охотник, — угадала Елена его суть, — ты ловишь эмоции города, людей, даже фонарей. У них ведь тоже могут быть эмоции?

— Возможно, — уклонился Алексей от ответа, поставил поднос с кофе на журнальный столик и сел в кресло, — Угощайся: зёрна смолот сам, сварил тоже сам.

— Благодарю, — Елена разместилась напротив него: в чёрных брюках в обтяжку и вязаном светлом джемпере, который плотно облегал её высокую грудь, так, что не сложно было вычислить: под ним нет белья.

Когда она наклонилась, чтобы взять свою чашку кофе, грудь соблазнительно колыхнулась, и Алексей потерял способность думать о чем-либо другом.

— Зачем ты приехала? — хрипло спросил он, перехватив её взгляд.

— А ты не знаешь? — ответила она, поставив свою чашку на место.

Алексей знал. Поэтому не стал больше ничего выпрашивать, а поднялся из своего кресла, одним движением руки занавесил окно и обернулся к гостье, которая смотрела на него широко распахнутыми глазами. В них он прочел то, что сейчас поднималось внутри него самого: желание. Невероятно сильное желание обладать, и он ему поддался так же легко, как и она.

Спустя полгода после их первой ночи он сделал ей предложение. Дома, ещё лёжа в постели, держа Лену в объятьях и почти не раскрывая глаз, вдруг пробормотал то, что давно крутилось на языке:

— Выходи за меня.

На что она звонко рассмеялась, и

растерявшемся от такого её поведения Алексею ответила:

— Сальников, ты с ума сошел?! Я давно замужем и у меня растет дочь.

— То есть... ничего не понимаю тогда, — он почесал в затылке, — А ты, разве, не собираешься с ним развестись?

— Нет, — мотнула она головой и строго посмотрела ему в глаза, — Ты забыл, о чем мы с тобой договаривались вначале? Никаких обязательств, Алёшенька. Никаких!

— Лена, подожди. Но зачем ты встречаешься со мной, зачем тогда все это, если тебя устраивает твой муж?

— Затем. Мне скучно одной, скучно, когда его нет, когда он в своих вечных командировках, а когда возвращается, мне никто не нужен. Понимаешь? Если бы не встретила тебя тогда, то ждала бы его дома и никогда не осмелилась бы изменить, если только мысленно. Но ведь это... не так страшно. А после тебя, я не знаю, как ему в глаза смотреть, но смотрю, хитрю, изворачиваюсь. Не хочу его обижать. Он очень хороший человек и столько сделал для меня! — она тяжело вздохнула и отвела взгляд.

— Понятно: он, значит, хороший, а я — плохой! — Алексея душила обида, он и не мог предположить, что его девушка окажется чьей-то

женой. Причем, судя по всему, любимой и желанной. Ревность чуть не захлестнула его с головой: подумать только, какой-то тип, неизвестный ему, прикасается к его женщине. К его!

— Нет, Алёша, не ты плохой, это я. Я плохая, — она отстранилась и села, опустила ноги на пол, — Прости, я не думала, что для тебя это так серьезно... нам лучше больше не видеться.

Эти слова ранили его и вернули-таки на землю. Это он чужой для неё. Это он крадет её у любимого мужа и делит с тем любимую женщину.

— Нет! Подожди! — Алексей обнял её, крепко прижал к себе, уткнулся губами в её макушку, вдохнул едва уловимый аромат её волос, — Не уходи... если можно... пусть все остается, как есть...

* * *

Он набрал номер её телефона, услышал родной голос на другом конце провода (договорились, что будет звонить только на домашний, чтобы не засветиться перед её семьей), и улыбнулся:

— Привет, родная.

— Привет.

— Хочу увидеться, очень-очень.

Минутное молчание, потом сухой ответ:

— Нет, я сегодня не могу.

— Жаль.

— У тебя все в порядке? — капелька переживания в её голосе и на душе сразу посветлело.

— Да. Жить буду, но не долго, — попробовал пошутить, но шутка оказалась, похоже, не к месту.

— Я перезвоню тебе вечером.

Вот и всё, разговор окончен. Выругавшись сквозь зубы, Сальников положил трубку на место, и тут же раздался звонок: на проводе был Курчатов. День завертелся в заботах и только к вечеру Алексей понял, что сильно вымотался. Садясь за руль, он несколько минут размышлял, куда ехать: на квартиру или в дом. Решил, что квартира ближе и вжал педаль газа до отказа, трогаясь с места. Внедорожник взревел и покатил по ровным дорогам к центру города. После обеда прошёл дождь, стало свежо и как-то зябко. Хотелось уже зимы, потому что сырость порядком успела надоест, да и декабрь уже на подходе, а снега пока так ни разу и не было. На углу, возле аптеки, он тронулся слишком резко после светофора и обрызгал какую-то девчонку с ног до головы водой из лужи. Но останавливаться в потоке не стал. Всею душой сожалея о своем поступке, Алексей посмотрел в зеркало заднего вида и к своему

удивлению заметил, что девушка вместо того, чтобы обругать его последними словами, смеется ему вслед.

«Забавная», — подумал про неё и тут же забыл.

Глава 3

Лариса ещё раз нажала на звонок, но и на этот раз дверь не спешили открывать. Потоптавшись немного возле квартиры Ильи Владимировича, Лара пришла к выводу, что зря повелась на свои эмоции: как же! Поговорит тет-а-тет с прославленным поваром, выведаёт у него несколько рецептов и, быть может, сумеет войти в доверие и получить зачет раньше других в своей группе. Преподаватель, похоже, решил куда-то уехать или уйти, а вот когда вернется, не собирался никому сообщать и табличку на дверь не вывесил, как иногда можно было встретить в каком-либо киоске: «Отошла. Буду через час».

Глупая наивность! Обругав себя за тупость, Лара в самых раздраженных чувствах покинула подъезд и поплелась через сквер, потому что так было короче, на автобусную остановку. Скверик был стареньким, к тому же очень неухоженным.

Казалось бы, много ли надо? Всего-то собрать мусор, почистить дорожки, поставить вместо

поломанных скамеек парочку новых, да фонари вернуть: вот вам и уютное местечко для отдыха горожан. Уж старичкам и мамашкам с детьми — лучше бы и не придумать. Единственное, за чем здесь пока ухаживали, так это за прудом. На него каждую весну прилетали утки: две пары и, высиживая своих птенцов, по осени они куда-то улетали на всю зиму. Правда, заботилось о водоеме товарищество «Совесть», в котором состояли лишь пенсионеры.

Лару всегда до глубины души огорчало наплевательское отношение нового мэра и к городу, и к его жителям. Когда-то её город К. был красивым: чистым, зеленым и облагороженным. Одни клумбы только чего стоили! По всему городу каждую весну высаживали огромные цветники с необыкновенно яркой растительностью. Каждая клумба — шедевр! Даже конкурсы между районами города устраивались. Когда Лара училась в седьмом классе, её школе доверили украсить клумбу своего района, и они уж там старались. Выбирали и скупали в магазине самые красивые саженцы, а некоторые мамы выращивали цветы на своих окнах в стаканчиках из-под йогуртов. Было очень большое желание победить. Они тогда заняли второе место и гордились, получив похвалу от прежнего мэра — Демьяна Ивановича. Это потом тот ушел с руководящей должности в отставку,

сославшись на слабое здоровье. И постепенно город стал никому не нужен.

Новые начальники совсем не пеклись о том, чтобы сделать город лучше, а теперешний: молодой и активный мэр, совсем забросил заботу о горожанах и их комфорте. Зато усиленно направил свои амбиции на строительство, по сути, никому не нужного торгового центра, коих и так было предостаточно, так ещё решил вложить немалую сумму в строительство дельфинария и аквапарка. Зачем? Кто бы знал...

Лучше бы, по мнению многих горожан, он пустил бы деньги на ремонт дорог или выделил хоть небольшую сумму на тех же дворников. А то получается, что дворы мести совсем некому. В Ларисином доме жильцы платят одной старушке из соседнего подъезда, чтобы та, в меру своих сил, следила за порядком и чистотой. Вот так и живут уже второй год без дворника.

Размышляя о захламленности сквера, Лара подняла несколько пустых пластиковых бутылок и донесла их до мусорного контейнера, а потом решила срезать угол. И вместо того, чтобы идти по едва заметной из-под листвы дорожке, она побежала через густо разросшийся бурьян. Трава успела пожухнуть, и кое-где её прижал к земле ветер, но все-таки стояла она высоко и плотно, поэтому девушка не заметила выпирающий

остроугольный камень. Споткнулась об него и кубарем пролетела вперед, приземлившись на пятую точку, да чуть не взвыла в голос, как маленькая.

После первого потрясения, оглядевшись, Лариса заметила, что неприятности этого дня продолжают сыпаться на неё, как мишура на новогоднюю ёлку. Поскольку и куртку она зацепила об камень, и джинсы прорвала сбоку о торчащую из земли проволоку, так ещё и ладошку содрала. Её теперь сильно саднило, да так, что слёзы сами брызнули из глаз. Но больше, конечно, они были от обиды, чем от боли.

— Срезала, блин... вот, дура! — прошипела вслух Лариса, пытаясь подняться на ноги.

— Девушка, с вами все в порядке? — раздался участливый голос справа от неё, — Вы там живы?

— Вроде жива, — ответила Лара, про себя отмечая, что этот мужской голос ей очень знаком. И лишь когда поднялась на ноги, поняла, кому тот принадлежит.

— Вы? — почти хором произнесла она вместе с обладателем голоса.

Вот уж не ожидала, что встретит его именно здесь, да ещё в такой неприятной ситуации. Лариса сконфужено потупила взгляд. Ей сейчас хотелось провалиться сквозь землю.

— Что вы тут делаете? — продолжил допрос

Илья Владимирович, потому что это был он. С кем-либо другим его трудно было спутать, — Вы ведь должны быть на занятиях.

— Вы тоже, — буркнула Лара, морщась от боли.

— У меня уважительная причина... — нахмурился преподаватель и все-таки подал ей руку, — Обопритесь и, давайте, выбирайтесь уже из бурьяна. Что вас только туда понесло? Ничего себе не сломали? Где болит?

— Я хотела срезать и... — Лариса вновь поморщилась и, опираясь на руку Ильи Владимировича, выбралась из травы на дорожку, а там чуть не вскрикнула. Едва справляясь с собой, она прошептала, — нога...

— Хм, нога, значит... левая? Правая?

— Правая, — кивнула она, и, покусывая нижнюю губу, прошипела, — лодыжка...

— Так, понятно, — Илья Владимирович вдруг подхватил Лару на руки и в два шага перенес к покосившейся скамейке, а сам присел перед ней на корточки. Он был не в обычном строгом костюме, а в джинсах и сером свитере. Вместо черного плаща — светлая ветровка, будто и не преподаватель перед ней, а совершенно незнакомый симпатичный мужчина. Его быстрые руки заскользили по её ноге, пальцы прощупали каждый сантиметр и вот добрались до лодыжки и крепко сжали.

— Ой! — вскрикнула-таки Лариса.

— Сейчас будет больно, можете кричать, если хотите, — предупредил Илья Владимирович и резким движением крутанул её ногу, ставя вывихнутую косточку на место.

Если раньше Лариса думала, что упасть в обморок это плевое дело: стоит только зажмурить глаза и грохнуться на пол, то теперь впервые поняла: что такое — мурашки перед глазами, как может перехватывать дыхание и сводить мышцы от нестерпимой боли. Она не закричала, но с такой силой сжала пальцы в кулак, что ногти глубоко впились в ладонки.

— Ну, вот и всё, — ободряюще подмигнул ей Илья Владимирович, — Только я бы не советовал вам сегодня много ходить. Ногу зафиксировать ещё бы... Знаете что: подождите меня здесь, я сейчас из машины аптечку принесу, и тогда мы вам окажем полные медицинские услуги. Дождётесь?

— А у меня есть выбор? — ответила Лара.

— Действительно... — усмехнулся Илья Владимирович, — Я скоро вернусь.

Он ушёл быстрой походкой. Проводив его взглядом, Лариса разжала, наконец, свои пальцы. На поврежденной ладони выступила кровь.

— Вот влипла-то, — хмыкнула девушка и размотала шарф, он словно душил её. Вздохнув полной грудью, Лара подтянула к себе сумку,

порылась, нашла не первой свежести платок, но хоть что-то. Самой чистой стороной приложила его к ссадине, чтобы не испачкаться. Ларисе вдруг стало жарко, и она расстегнула куртку, а свой шарф смотала жгутом и спрятала в сумку.

Такие «веселые» дни у неё ещё не случались. Никогда Лара не чувствовала себя настолько беспомощной. В душе появилась тревога: и как теперь она доберется домой? Что скажет матери? Вряд ли та не заметит испорченные вещи. Она едва успела обо всем этом подумать, как заметила, что преподаватель спешит обратно с небольшим чемоданчиком в руках.

— Ну-с, приступим, — Илья Владимирович вновь опустился перед Ларой на корточки и открыл чемоданчик, при этом чуть скривил губы. Ларисе его улыбка показалась довольно неприятной и даже будто бы хищной. Она, затаив дыхание, следила за манипуляциями преподавателя, стараясь спрятать панику подальше. Заметив её напряжение, он вдруг поинтересовался, — Боитесь?

— Немного.

— Ну и правильно, что немного. Сейчас всё устроим в лучшем виде.

— А ваша вторая специальность — врач? — улыбнулась Лара, поглядывая на Илью Владимировича.

Он не заставил себя долго ждать с ответом, а

вынул из чемоданчика — бинт, перекись водорода, зелёнку и вату, и насмешливо сказал:

— Нет, что вы! Какой я врач? Я ветеринар.

— О, боже! — закатила Лара глаза к небу, —
За что мне это?

— За все хорошее, девочка, — хмыкнул в ответ Илья Владимирович и ещё достал зачем-то из кармана нож и зажигалку, — Пожалуй, приступим, пока вы не получили заражение крови.

— А нож-то зачем? — округлила глаза Лариса.

— Сейчас узнаете. Доверяйте мне, пациент, ибо у вас нет другого выхода, — полу шуткой, полу всерьёз пробурчал преподаватель и занялся лечением.

Вначале он с помощью ножа разорвал Ларе джинсы на бедре, где и без того красовалась дыра.

— Вы что это задумали?! — возмутилась Лариса, — Зачем ещё больше порвали?

— Затем, что там у вас рана, в которую, скорее всего, попала грязь. Нужно обработать, — Илья Владимирович строго посмотрел на Ларису, — Будете дергаться и возмущаться после. А сейчас извольте — терпеть!

Он раскалил нож зажигалкой, а потом слегка расширил рану на бедре девушки, из нее тут же потекла кровь. Затем пошла в ход перекись водорода, а после зеленка и пластырь. Ладоньку

тоже обработали похожим способом, но обошлись на этот раз без ножа. В последнюю очередь занялись лодыжкой.

— Ну, вот и все, — Илья Владимирович захлопнул свой чемоданчик, — Пациент скорее жив, чем мёртв, не так ли?

— Да, спасибо, — поблагодарила его Лариса. — И извините, что сопротивлялась.

Она подумала, что он сейчас уйдет, а ей придется как-то самостоятельно добираться домой, но день продолжал удивлять.

— Лариса, а вы — молодец. Не ожидал, что будете такой терпеливой. Думал, криков сейчас наслушаюсь и даже приготовился к истерике, — и он улыбнулся иначе, как будто согрел её. — Вы голодны?

— Вроде бы нет, — пожалала она плечами.

— И все же я хочу пригласить вас на чашечку чая. Не откажете старику?

— На старика вы не очень-то похожи, — улыбнулась Лариса, не соглашаясь с ним. Разве можно назвать стариком мужчину средних лет: подтянутого, высокого, с едва заметной сединой на висках? Она была уверена в том, что он просто немного иронизирует и решила ему подыграть, — И как я могу отказать моему доктору? Вы спасли мне жизнь, сударь, можете просить награду.

— О, не обещайте слишком много! Я ведь

коварный, как черт. Могу и воспользоваться, — усмехнулся он, — Хватайтесь за меня и вперед, пить чай. С клубничным вареньем. Надеюсь, вы любите варенье?

— Конечно, — ответила она, поднимаясь со скамейки.

До дома Ильи Владимировича они шли очень медленно, по черепашьи. Всю дорогу повар рассказывал Ларисе забавные истории, которые с ним происходили. И девушке казалось, что до этого дня она совершенно не знала своего преподавателя. Он оказался совсем другим человеком: жизнерадостным, весёлым и невероятно добрым.

К счастью, у подъезда было пустынно, и на пути им не встретилось ни одной любопытной старушки. Как объяснил Илья Владимирович: в этот час идет сериал, и все бабульки сидят у телеэкранов. Единственное время, когда можно было беспрепятственно делать все, что угодно и этого никто не заметит.

— Так я должна благодарить Аргентину и их киноиндустрию за ваше гостеприимство? И за то, что могу вкусить этот невероятно вкусный чай из рук такого известного повара?

— О, не преувеличивайте! Не надо. Не такой уж я и известный. Я бы все равно вас пригласил. Только тогда вряд ли бы удалось пройти и два шага, чтобы нас не засыпали вопросами. Очень уж у нас

любопытные старушки, новостей им мало, — Илья Владимирович сидел напротив Ларисы в красивом плетеном кресле. Она расположилась в таком же. Пока Лара приводила себя в порядок в ванной комнате, он успел приготовить чай и накрыть на стол. Квартира преподавателя была не очень большой, но уютной, везде чувствовалась женская рука.

— Да, согласна с вами, — Лариса вновь отпила из своей чашки ароматный напиток и спросила, наконец, о чем хотела узнать с самого начала, — А почему вас сегодня не было на занятиях?

— У меня заболела мама. Я, собственно, и приехал в родной город из-за нее. Она у меня уже старенькая, а к нам переезжать не хочет. Говорит: умру скоро, куда мне переезжать? Врачи ставят неутешительный диагноз — старость. Сегодня ей стало хуже, мне пришлось отвезти её в больницу, поэтому и отпросился с работы, — Илья Владимирович устало откинулся на спинку кресла и вздохнул, — Не думал, что так будет. Это ужасно: ждать смерти для собственной матери. Её ведь почти и не лечат, так, поддерживают витаминами. Органы отказывают. А она мне улыбается, говорит — все хорошо. Не хочет меня огорчать, но я-то вижу... Ладно. Давайте не будем о грустном. А как вы здесь оказались и почему тоже пропустили

занятия?

Лариса ожидала этого вопроса, поэтому нисколько не смутилась:

— Я мимо проходила, нас отпустили пораньше.

— Ну, да. В обход остановки, да через сквер? — не поверил ей Илья Владимирович.

— К подруге заходила. И хотела к вам зайти, я с собой в техникум взяла кое-что. — Лариса подтянула к себе сумку, которая до этого лежала возле её ног, на полу и достала оттуда два тома с рецептами итальянской кухни.

— Ух, ничего себе! — удивился Илья Владимирович, перенимая из её рук книги. Он нацепил очки и принялся рассматривать иллюстрации, читать рецепты. — Да, увлекательно. На голодный желудок читать не рекомендуется. Запомните это, на будущее.

Лара пила чай, Илья Владимирович листал одну из книг и неожиданно вновь перевел разговор в другое русло:

— Кстати, а почему, Лариса, вы пошли учиться на кулинара?

Девушка чуть не поперхнулась, она поставила свою чашку на стол и, потупив взгляд, решила ответить честно:

— Я совершенно не умею готовить и боюсь экспериментировать на кухне... а чтобы все время

питаться в ресторане... как бы средства не позволяют, вот и...

— Ясно. То есть не ради призвания, а чтобы хоть чему-то научиться?

— Ну да, как-то так, — пожалала она плечами и осмелилась посмотреть на своего собеседника.

Илья Владимирович сложил руки перед собой и, откинувшись на кресло, скептически рассматривал свою гостью.

— А знаете, пожалуй, это будет интересно, — задумчиво проговорил он, будто беседовал сам собою, — Если я возьмусь за это, то может выйти очень даже занятно.

— Вы это о чём? — насторожилась Лара.

— Как вы смотрите на то, чтобы я давал вам личные уроки по кулинарии и поварскому делу?

— А... эм... очень положительно... — неуверенно произнесла девушка, боясь увидеть в глазах учителя усмешку. Но он оставался серьезен, — Правда, будете давать мне... уроки?

— Да. И начнем мы прямо сейчас. И раз уж вы так тяготеете к итальянской кухне, — взгляд Ильи Владимировича красноречиво метнулся на книгу, которую он рассматривал, — То и попробуем приготовить что-нибудь самое простое, скажем, Спагетти Карбонара. Пойдемте-ка, Лариса, на кухню. Сидя в кресле, вряд ли что-то можно приготовить. Повар должен порхать как бабочка,

когда подбирает ингредиенты для своих блюд, и каждый раз немного экспериментировать с уже имеющимися рецептами.

Все это он проговорил, пока мыл руки и надевал фартук, Лара тоже ополоснула руки и получила свой фартук.

— Ну-с, приступим, — подмигнул ей учитель, — Лариса, откройте холодильник и доставайте оттуда, все, что я перечислю. Итак, нам понадобится: бекон, сыр, сливки, два яйца, оливковое масло.

— А бекона тут нет.

— Можно заменить, скажем, на ветчину, — усмехнулся Илья Владимирович, — Если под рукой нет ветчины, то можно взять любой кусок подкопченного мяса. Экспериментируйте, Лариса, и не бойтесь ошибаться. Именно благодаря ошибке можно получить совершенно новый рецепт. Да, ещё достаньте зелень, кажется, у меня оставался пучок петрушки.

Дальше все было довольно просто. Лариса подивилась, как легко и быстро у них получилось это блюдо. Возможно, от того, что они готовили вместе, у нее отступил страх, и она почти все проделала самостоятельно. Пока закипала вода, Лара натерла сыр и отделила желтки от белков. Илья Владимирович порезал ветчину небольшими кубиками и обжарил её в сотейнике, на оливковом

масле. Затем в кипящую воду они опустили спагетти, не разламывая, что было важным, потому что Лариса точно знала, мама всегда ломала длинные макароны пополам, иначе они не входили в кастрюлю. Оказывается, надо было поместить их одной стороной и немного подождать, пока они станут мягкими, а после аккуратно с помощью ложки уложить остальную часть спагетти. Лара всю процедуру проделала самостоятельно под руководством учителя и обрадовано улыбнулась, получив от него похвалу.

— Ну, вот видите, совсем не страшно, осталось добавить ложку оливкового масла, чтобы наши макароны не слиплись, посолить, перемешать и немного убавить огонь. Варим семь минут.

— Так просто?

— Вот именно. А пока они готовятся, давайте займемся соусом.

Пока Лариса перемешивала в миске желтки, сыр и сливки, Илья Владимирович помыл и покрошил петрушку.

— Илья Владимирович, а чем спагетти отличаются от длинных итальянских макарон? И можно ли их заменять между собой? — решила Лара на вопрос, пока они ждали готовность макарон.

— Отличаются, Лариса. Хотя для нас вроде бы не принципиально, главное, правильно

приготовить соус. А отличие в срезе: спагетти круглые, макароны более плоские. Если будете готовить для себя, то вряд ли ощутите разницу во вкусе, может быть только в том, что спагетти слегка жестковаты, макароны, как правило, мягче и хуже держат форму. Итальянцам лучше не заменять одно на другое, — он улыбнулся, — уж они-то не перепутают одну пасту с другой.

Пропищал таймер и отвлек их от разговора:

— О, наши спагетти готовы, — Илья Владимирович вынул дуршлаг, — Кстати, готовность проверяется очень легко: их нужно попробовать. Они должны быть мягкими, но не разваливаться — это важно! Итак, продолжаем. Лариса, помогайте!

Он передал ей дуршлаг и слил в него макароны из кастрюли. Когда вода стекла, то перекинули макароны в сотейник к ветчине и залили соусом, тщательно все между собой перемешивая. Поделили потом спагетти на две тарелки, поперчили, добавили петрушку и немного соли.

— Ну вот, прошу к столу! — Илья Владимирович явно был доволен своей ученицей, что и поспешил ей сказать, — Вы умница, Лариса. Справились просто замечательно. Будем пробовать?

— Да что тут пробовать, — ответила Лара,

счастливо улыбаясь, — Будем есть!

Время в компании Ильи Владимировича пролетело незаметно. Лариса чувствовала себя в его обществе очень легко и как-то по-домашнему, будто с родным человеком. Он рассказал ей немного о своей семье, о том, что очень скучает по жене и сыну, но те пока не могут к нему приехать. Сын учится в престижном колледже, и Ирина Юрьевна сейчас полностью занята им. Мальчику всего десять лет. Одного его оставлять нельзя и срывать с учебы тоже не имеет смысла. Вот и вынуждены они жить некоторое время врозь. В каждом слове, в каждом жесте Ильи Владимировича чувствовалось большое тепло, всякий раз, когда он произносил имя жены или затрагивал в разговоре успехи сына.

Ларисе стало стыдно за свою влюблённость. Ведь она когда-то искренне желала, чтобы он поссорился и расстался со своей женой. Не понимала, глупая, что в жизни важны не столько плотские утехи, сексуальный опыт, а в первую очередь, чтобы было кому поддержать в трудную минуту, выслушать, согреть участием...

Нет, Лариса, не была готова к таким серьёзным отношениям. Не выросла пока. И по мере общения с Ильей Владимировичем поняла ещё кое-что: далеко не всех мужчин интересуют только женские прелести, для многих из них важно, что за

личность ими обладает.

За время неторопливой беседы успел пройти дождь. Когда Лариса обратила внимание на часы, стрелки показывали пять.

— О, мне уже пора домой... — огорченно произнесла она, — Илья Владимирович, спасибо вам за всё... так приятно было с вами беседовать.

— Мне тоже. Лариса, подождите. Я провожу вас. Могу подвезти к дому, скажите только мне свой адрес.

— Спасибо. Я живу недалеко, всего три остановки от вас.

— И все-таки ногу сегодня не стоит сильно нагружать. Так что не спорьте, к тому же дождь прошёл. Лужи везде. Ещё не хватало, чтобы вы простудились.

— Ну, хорошо, убедили. А можно я позвоню от вас?

— Да, конечно.

Лариса позвонила Наташе, предупредила, что не сможет утром к ней зайти, а кроссовки занесёт на днях, тогда обо всем и расскажет.

Подруга не стала сильно наседавать, но пригрозила, что при встрече учинит ей допрос с пристрастием.

На улице вновь не встретилось ни одной старушки, наверное, их дождь разогнал. Выезжая на перекрёсток, от которого до дома Ларисы было

рукой подать, Илья Владимирович ответил на чей-то звонок и нахмурился, показывая, что его чем-то огорчили.

— Что-то случилось? — Спросила Лариса, но ответ так и не получила, — Илья Владимирович, что с вами?

— О, простите, — очнулся он, словно стряхнул с себя наваждение, — Вы о чем-то спросили?

— Что с вами?

— Мне нужно срочно к маме... в больницу. Ей стало хуже.

— А вы высадите меня за светофором. Мне там идти минут пять от аптеки.

— Точно пять минут?

— Ну, если очень медленно, то десять.

— Хорошо. Вот вам мой номер телефона, — Илья Владимирович вынул ручку из бардачка и блокнот, быстро вывел несколько цифр и вырвал лист, передал его Ларе, — как дойдете, позвоните мне.

— Договорились, — кивнула девушка, и едва он притормозил, вышла из машины.

На улице было прохладно, а после тёплого салона авто, вообще показалось, что холодно. Лара вновь намотала вокруг шеи шарф и решила вначале заглянуть в аптеку, так как не была уверена, что дома ещё остался пластырь, да и зелёной они

давно не пользовались, хотя аптечка и была, но заглядывали туда Кареловские редко. Зато теперь придется несколько дней пользоваться зелёной и бинтами. Прихрамывая, Лариса добралась до крылечка, а там, морщась от боли, и до окошечка, из-за которого на неё строго посмотрел дядька-фармацевт. Выкупив всё, что нужно, Лариса неспешно пошла в сторону дома. Остановившись у светофора, она совсем не подумала, что стоит слишком близко к дороге. И, когда пришло понимание, что её сейчас окатят водой из лужи, отступить уже не успела. Мужик на джипе слишком резко тронулся с места да, как назло, въехал в лужу возле которой стояла Лариса. Ледяная вода залила девушку с головы до ног. День продолжал радовать, и Лару вдруг от всей этой глупой, до боли обидной ситуации разобрал смех. По всей видимости, истерический. Она стояла посреди улицы и смеялась вслед уносившемуся вдаль джипу.

Глава 4

Лариса спешила на занятия, перепрыгивая лужи и шурясь на яркое весеннее солнце. Четыре месяца прошло с тех пор, как Илья Владимирович предложил ей свою помощь в овладении кулинарией. Они встречались с ним два раза в неделю, и это были самые интересные часы в её

жизни, потому что они не только готовили вместе, но ещё и общались на самые разные темы. Выяснив у Лары, что она самостоятельно изучает иностранные языки, Илья Владимирович одобрил её старания.

— Я всегда думал, что вам не место в кулинарном техникуме. Вы, Лариса, выгодно отличаетесь от сокурсников: и воспитанием, и образованием, и культурой речи. У остальных ребят в вашей группе довольно неприятные слова проскакивают даже в общении с преподавателями, и уж что говорить, про общение между собой? — Илья Владимирович махнул рукой, — Мне очень приятно, что я в вас не ошибся. Куда думаете идти учиться?

— В институт иностранных языков, — не задумываясь, ответила Лариса, потому что уже навела справки и выбрала для себя факультет, — Хочу попробовать поступить на страноведение, ну или на переводческий.

— Хм... если позволите, могу посоветовать факультет «языки и культуры», там вы сможете получить квалификацию филолога, и, к тому же, у вас будет специализация по культурологии. Так что сразу двух зайцев поймаете, — Илья Владимирович задумался и даже на какое-то время перестал нарезать овощи на салат. Они вновь практиковались на его кухне, на этот раз готовили салат из свежих

овощей и жарили стейки из говядины, — У меня есть один дорогой человек — доктор филологических наук, профессор, высокопрофессиональный и авторитетный исследователь теории и истории английского языка. Когда-то мы учились вместе и сидели за одной партой в школе на протяжении десяти лет. Сеницына Татьяна Сергеевна — золотой человек и, что главное, — это бесценная шкатулка знаний. Я думаю, если вы хотите стать профессионалом в своем деле, то вам нужно попасть к ней на факультет.

— Ой, Илья Владимирович, я даже не знаю... — Лара зажмурилась на миг, не в силах поверить, что в её жизни может случиться такое чудо, — мне как-то неловко... и...

— Лариса, — он посмотрел на нее строго. Так, как когда был уверен в своих действиях на двести процентов, — Мы с вами друзья или как?

— Друзья.

— Ну и какой же я буду друг, если не помогу вам попасть в руки самого лучшего преподавателя института?

И несмотря на Ларино сопротивление, он все-таки позвонил своей давней приятельнице и попросил ту взять его лучшую ученицу к себе на факультет, как только та сдаст вступительные экзамены и поступит в институт. Уж в этом-то он

не сомневался, как, впрочем, и Лариса. Оставалось дело за малым, а именно — окончить техникум и подать документы на поступление, а уж там — показать свои знания. И все-таки Лариса немного волновалась, когда задумывалась о том, как переступит порог института, даже в животе появлялся холодок и, казалось, сердце проваливается в пятки.

Мама Ильи Владимировича чувствовала себя — то хорошо, то, наоборот, очень плохо. Из-за этого он очень нервничал, и Лара старалась всячески его поддерживать, в часы их общения пробовала отвлечь преподавателя от грустных мыслей. Они и, правда, сдружились, стали близкими, как дядя и племянница. Лариса не чувствовала к нему влечение, как к мужчине, он же — видел в ней лишь свою ученицу. Наверное, поэтому им и было легко вместе. Она приходила к нему домой обычно в те часы, когда шли сериалы, поэтому старушки не замечали её визитов, а уходила во время вечерних новостей.

Со своей матерью Лариса, как и прежде, почти не общалась. Как-то не было у них точек соприкосновения, совсем. Только отец их примирял между собой. После последней командировки он вот уже три месяца никуда не ездил. Врач — профессор стоматологии. Его часто приглашали на научные конференции, он делится опытом со

своими коллегами по вопросам протезирования и другим стоматологическим премудростям, в которые Лара никогда не вникала. То, что отец у неё гений стоматологии — она знала давно, ещё когда ходила в детский сад, и первые молочные зубы стали выпадать, тогда и поняла, что фамилия Кареловский известна всем врачам города и не только стоматологам. Обычно в регистратуре её спрашивали: не родственница ли она Игоря Сергеевича? И, когда узнавали, что да, то доброжелательно улыбались и просили передавать знаменитому папе привет.

Отцу Лариса рассказала о своих занятиях с Ильей Владимировичем и поделилась своими мечтами об институте.

— Ты умница у меня. Конечно, поступай, — Игорь Сергеевич обнял дочь — крепко, по-медвежьи, спрятав в своих объятьях, как в большом коконе. Он высокий у неё, сильный, широкоплечий, с большими широкими ладонями. В его руках всегда очень уютно и надёжно, а за крепкой спиной — как за каменным забором, кажется, отец может спасти свою девочку от всех бед на свете. Ларка безумно любила этого доброго и очень ранимого человека. Часто она видела, как он переживает о каких-то своих неудачах и тогда просто подходила, прижималась к нему или забиралась на руки. Замечала, как постепенно

взгляд его теплел, а на губах появлялась улыбка.

На этот раз он пристально взгляделся в глаза своей дочери, так, как в детстве, когда не очень-то верил, в то, что очередная проделка — это всего лишь невинная шалость, а не заранее спланированная пакость, в которой нечаянно пострадали мамины бигуди и бабушкины клубочки ниток для вязания.

— Лар, а этот Илья Владимирович... кхм... он тебе нравится?

— Очень, — хитро улыбнулась она, догадываясь, к чему клонит отец, — Я его обожаю! Он супер-человек! Но...

— Но? — брови отца озабоченно собрались домиком, а взгляд синих глаз стал острым.

— Но он староват для меня, — улыбнулась она, — ведь ты хочешь это спросить: не позовет ли он меня замуж? Так вот, нет. Не позовет.

— Это ещё почему?

— Пап, да он женат и сын у него. И вообще, мы просто друзья. И ничего более!

Она заметила — отец вздохнул, будто бы с облегчением, и выпустил её из объятий, потом взял двумя руками за уши и слегка потрепал:

— Смотри, Ларка, не наделай глупостей.

— Да, что ты, пап. Не волнуйся, — она вновь прижалась к нему, — У меня, если кто-то появится — ты первый узнаешь. Вот клянусь тебе!

И отец ей поверил. Поцеловал в щёку и погрозил пальцем, а потом вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь, а Лариса ещё какое-то время чувствовала себя будто бы в его объятьях. Даже на расстоянии, когда отец был далеко, ей всегда казалось, что он рядом, стоит только позвать. Возможно, это было оттого, что они с ним жили на одной волне. Им нравились одни и те же фильмы, музыка, у них всегда находились общие темы для бесед. Да и похожа Лариса была на отца: такие же чёрные, будто вороново крыло, волосы и завивались так же тугими кольцами, а глаза — не только цвет такой, так ещё и одной формы — слегка миндалевидные, восточные, с хитринками в уголках. Брови — взлет, тоже достались от него, а вот нос и губы — мамины, что слегка раздражало Лару. Она хотела быть во всем, как папа, и даже походка одно время была мужской, пока Наташа не взялась за воспитание подруги.

— Ты же девчонка, а ходишь широко, как пацан какой-то!

— Ну и что, — буркнула Лариса в ответ.

— Если не изменишься, я с тобой ходить не буду, а то ещё решат, что ты мой парень.

— А ничего, что у «твоего парня» коса ниже пояса? — съехидничала Лара, демонстрируя свою красоту: косу толщиной в кулак.

— Подумаешь, коса! — передразнила её

Наташка, — Сейчас и парни с косами ходят, ещё длиннее твоей. Сама видела. Так что не дури, и походку — меняй.

Пришлось, скрипя сердцем, повиноваться. Неделю тренировались у Наташки дома, под четким руководством её бабушки — Ольги Ивановны. И постепенно получилось ходить мелкими шажками, плавно виляя бедрами. Только, когда нужно было идти быстро, Лариса забывала про все уроки и увещевания подруги, да вновь становилась «парнем» в юбке.

Март выдался довольно прохладным, но иногда радовал вот такими погожими деньками. Снег почти сошел, и кое-где на проталинах даже виднелась первая зелень. Все-таки пахло весной и хотелось уже одеваться чуть иначе: скинуть с себя теплые, шерстяные, надоевшие за зиму, вещи. На сегодня в техникуме планировались первые практические занятия, которые должны были приблизить учащихся к зачётным работам. Как объявили на прошлых занятиях — два месяца практики, после зачётные оценки и выпускной.

Осталось учиться всего каких-то три месяца, а потом у Ларисы начиналась совершенно другая жизнь.

Как зачастую случается, её радужные мысли разбились о суровые будни. Из-за поворота возле булочной вдруг выплыла массивная фигура

Лариного сокурсника.

— О! Какие люди, да без охраны, — ослабился он, открывая для обозрения неровный ряд своих желтых зубов, — Сама Кареловская, собственной персоной! Как мне сегодня везет!

— Доброе утро, Василий! — любезно улыбнулась ему Лариса.

Сегодня она не хотела с ним ссориться. В последнее время, Лара не обращала на выпады Лаврентьева никакого внимания, и это его бесило ещё больше, чем когда они вступали в словесные баталии.

— Для кого-то доброе, а тебе — иначе, — усмехнулся он и вдруг загородил дорогу. Справа — сугроб, слева — чуть подстывшая лужа, а посередине — Лаврентьев.

— Васенька, дай пройти, — Лариса внутренне собралась, понимая, что Василий не просто так полез к ней. Скорее всего, ему что-то от нее требовалось. Судя по тому, что его слегка покачивало, сокурсник был с утра не вполне адекватен. От него явно несло перегаром, и это Ларе очень не понравилось.

— О, как ты заговорила. Вежливая, да? Боишься к своему Илюшеньке на урок опоздать. Так не бойся. Он ничего и не заметит: одной сучкой больше, одной — меньше...

— Вась, что тебе нужно? — нахмурилась

Лара, отчаянно пытаюсь найти способ избавиться от пьяного парня, — Давай разойдемся по-хорошему, ты езжай домой — отоспись, я скажу, что ты заболел...

— Заботливая какая, — скривился он и сплюнул под ноги, а потом зло посмотрел ей в глаза. — А давай скажу, чего я хочу: тебя хочу!

И тут Василий заржал, как конь ретивый, в голос.

— Хотеть не вредно, Васечка. Только давай в другой раз, когда трезвым будешь, а то ещё уснешь. На самом интересном месте, — съехидничала Лариса, — Обидно ж будет. А второй раз, после такого фиаско, я вряд ли соглашусь... так что подумай, а мне пора.

С этими слова она подставила Лаврентьеву подножку, и тот грузно шлепнулся в снег, опустившись на пятую точку, а Лара развернулась и поспешила в противоположную от булочной сторону. Время у нее ещё имелось и можно было пройти через другой угол дома.

— Эй, Кареловская! Мы так не договаривались! — крикнул ей вслед Лаврентьев, пытаясь подняться на ноги.

Лариса не стала дожидаться пока тот встанет, а постаралась как можно скорее скрыться с его глаз. И ей это, к счастью, удалось.

Она немного успокоилась лишь перед дверью

аудитории, где встретила с Ильей Владимировичем.

— Доброе утро, Лариса, — поприветствовал он её и слегка пожурил, — опаздываете.

— Доброе, Илья Владимирович, — ответила она в такт, — у меня ещё две минуты.

Учитель задержался на ней внимательным взглядом и, не давая прошмыгнуть вперед него в класс, чуть прикрыл дверь кабинета:

— Все в порядке?

— Да, — кивнула она, — просто немного волнуюсь.

Он понимающе улыбнулся и позволил войти. Едва она переступила порог, как за её спиной раздался звонок.

«Не опоздала», — подумала Лариса и обернулась на Илью Владимировича, правда, его прищуренный взгляд дал знать ей о том, что он считает по-другому.

Уроки прошли довольно динамично, в заданном учителем темпе. Лариса и не ожидала, что будет настолько интересно. Четыре часа практических занятий пролетели, как один миг. Она совсем забыла про утренний инцидент с сокурсником. И не вспомнила о нем даже когда отправилась домой.

Лаврентьев появился неожиданно. На этот раз он встретил Ларису недалеко от автобусной

остановки, и был теперь не один, а с компанией своих друзей.

— О, а вот и она! Привет, детка!

— Здоровались уже, — насупилась Лариса.

Не ожидала она вновь очутиться в его обществе. Лаврентьев, похоже, успел добавить к утренней дозе алкоголя, и теперь его не только шатало, так ещё и глаза стали мутными.

Лариса знала, что от пьяных мужиков лучше держаться подальше. И, если с одним ещё можно справиться, то вот с большим количеством — сложнее. А парней, не считая Василия, было четверо. Автобус недавно уехал и следующий ожидался не раньше, чем через десять минут. Лариса начинала просчитывать варианты своего спасения. Если сокурник начнет распускать руки, то она, конечно же, сможет дать ему отпор. Даже если его друзья не останутся в стороне и тоже начнут как-то проявлять к ней интерес, Лара была уверена — справится. Только бы не стали скручивать руки и подходили бы по одному. Если навалятся разом и затянут в машину, тогда — беда. На открытом месте она легко может дать отпор. Одно время, по настоянию родителей, Лара посещала школу единоборств и знала, как постоять за себя. Вот только не была уверена в своих силах против сразу пятерых парней.

— Да, ну-у, — протянул Васька, — Чёй-то я

подзабыл. Ларка, а давай прокатимся? Я тебя с дружбанами познакомлю. Мировые мужики, — кивнул он в сторону кучкующихся у чёрного внедорожника парней.

— Прости, но что-то не хочу, — Лара обернулась, понадеявшись на то, что может быть кто-то ещё подойдет на остановку. У Наташки, как назло, ещё шли занятия, а девчонки из их группы добирались по домам на метро...

— А ты через не хочу, — хмыкнул Лаврентьев, нагло разглядывая её.

Лариса даже поёжилась от его взгляда, будто бы стояла перед ним обнажённая, не смотря на то, что на ней было пальто, да и под ним вязаный плотный джемпер и блузка, не говоря уже и про нижнее бельё. И все же было неуютно от такого пристального внимания сокурсника.

— Вась, долго тебя ещё ждать! — крикнул один из парней, — Бери свою красаву, да поехали.

— Ларка, не позорь меня перед мужиками, — наклонился к ней Лаврентьев и, дыша в лицо перегаром, пробасил, — Я сказал, что ты моя... ну в том смысле, что... ну ты понимаешь. Что тебе стоит, поехали, давай по-хорошему. Не ломайся, я тебе больно не сделаю, так посидим маленько, пивко попьем...

— Знаю я твое «маленько». — Лариса начала заводиться, — Васька, ты совсем обалдел, что ли?

Какая я тебе «твоя»? И вообще-то у меня свои планы, мне домой надо, меня мать ждёт...

— Слышь, Каря, ты лучше моей соглашайся, а то я щас им скажу, что ты мне никто, так они тебя живо в машину погрузят и в лесочек, а там будешь общей. Ещё умолять меня станешь, чтоб только со мной одним, усекла?

— А ты скажи, попробуй. Глядишь, живым останешься, — ответила она, не отводя глаз, хотя у самой от его слов взмокли ладони, а воображение нарисовало весьма неприглядные картины, от которых хотелось закричать в голос.

Нет, они не посмеют. Он не посмеет. Лаврентьев первым отвел взгляд, но тут же, заграбастав её в охапку, без лишних слов потащил к машине.

— Пусти! — возмутилась Лара, упираясь, да куда там соломинка против бревна, — Я кричать буду.

— Давай, кричи. Этого никто не заметит, — хмыкнул в ответ Василий, впрочем, Лариса и сама видела, что помощи ждать ей неоткуда. — Ты, Ларка, не дрейфь, я же много у тебя не попрошу, потискаю чуток, да отпущу. С Илюшей со своим трахаешься, никого не стесняешься, а со мной посидеть тебе, значит, не в кайф?

— Что, Васька, сопротивляется твоя краля? — смеиваясь, обернулся к ним один из парней, —

Хочешь, помогу?

— Нет, я сам, — ответил Васька, переваливая Ларису себе через плечо, будто коромысло, — Моя баба, мне и тащить.

— Ты же говорил, она безотказная, а девка-то с характером, — цокнул языком кто-то третий, — Повеселимся сегодня, я таких люблю, кошечек...

«Ну, что же, сами напросились», — подумала Лара, начиная веселье. Не успел её поднять на своё плечо Лаврентьев, как она вывернулась и коленом со всего размаха двинула ему в нос. Парень взвыл и выпустил «добычу». Подоспевший к нему друг получил от Ларисы сумочкой в ухо, а потом ногой в пах, а дальше она со всей прыти кинулась чуть ли не под колеса выезжающей из-за поворота машины.

Резко взвизгнули тормоза, оглушая Лару. Девушка на миг зажмурилась, а когда из внедорожника вышел рассерженный мужчина и уже собрался отругать её, она умоляюще прошептала:

— Помогите мне, прошу вас!..

Он окинул Ларису взглядом и посмотрел куда-то вверх её головы, потом быстро произнес:

— Хорошо. Садитесь в машину.

Не успела Лара потянуть на себя дверцу, как раздались тяжёлые шаги за её спиной. Она не оглядывалась, потому что и так знала, кому они принадлежат.

— Э-эй! Ларка, стой на месте, пока не пришиб!

Лариса замерла, её будто холодом всю сковало. Она боялась дышать. В голове пронеслось: «Вот и всё! Приехала».

— Лариса, садись в машину, — произнес незнакомец и подошёл, сам открыл ей дверцу, помог забраться в салон, — Ничего не бойся.

— Ну, мужик, ты бл*, нарываешься. Отдай мою бабу и катись отсюда, да живее. А то...

— А то... что? — мужчина нахмурился и сделал шаг в сторону Лаврентьева.

Лариса заметила, что, несмотря на уверенность в голосе, её защитник был напряжен. Под его лёгкой курткой отчетливо были заметны бугры мышц. На качка он не был похож, но явно — не слабак. Да только разве можно против пятерых подвыпивших довольно крепких парней идти в одиночку? Ларе вдруг стало страшно. По-настоящему страшно за исход предстоящей драки, да, так, что сердце заходило в учащенном беге и дышать становилось больно до слёз. Миром разойтись парни вряд ли заходят, особенно после того, как Лариса дала им отпор. Взять бы да уехать поскорее, но поздно. Слишком поздно. Вот и остальные подтянулись ближе, и даже водитель вышел — круглый, коренастый с тяжёлым взглядом, явно какой-то бандит. Хоть бы ещё кто-то

остановился, но все машины проносились мимо, не притормаживая. Никто не хотел рисковать своим здоровьем. Никто не желал вмешиваться в уличные разборки.

«Полицию. Нужно вызвать полицию...» — подумала она и стала шарить в сумочке, искать мобильник, который находился где угодно, только не на месте. Лариса, порой, свой телефон могла обнаружить в самых неожиданных местах — на полке в ванной, на подоконнике в кухне, под кроватью, и однажды тот каким-то образом оказался даже в её зимнем сапоге. Будто бы телефон жил собственной жизнью. Вот и на этот раз Лара перерыла всю сумочку и когда, наконец, выудила его из косметички, оказалось, что тот уже не требуется. К удивлению Ларисы, драка так и не началась, а парни хоть и довольно оживленно беседовали, но вроде бы даже беззлобно. Потом её защитник пожал по очереди руки Лариным обидчикам и сел в машину. Ничего не объясняя, он завел двигатель, и они плавно тронулись с места.

Лариса в полном недоумении уставилась на незнакомца. Но у неё словно язык к нёбу прирос, она не могла вымолвить ни слова и просто рассматривала своего попутчика: высокий, широкоплечий, с сильными красивыми руками. Волосы у него светлые, вьющиеся кольцами, а подстрижены — коротко. Даже жаль. Лара вдруг

представила, как приятно было бы запустить руку в эти волосы, будь они чуть длиннее или просто провести по ним ладонью, перебирая в пальцах мягкие локоны. Она смутилась, заметив на себе его взгляд. За темными очками было трудно разобрать цвет его глаз, а вот ресницы она увидела — длинные и пушистые, как не у каждой девушки бывает. Когда он выходил к ней, то был без очков, надел их уже в авто. Тогда она от испуга вообще ничего не заметила, кроме номера на машине.

— Куда вас отвезти, Лариса? Может, назовете адрес?

Лара наконец-то очнулась от потрясения и поняла, что они отъехали от места недавних событий на довольно приличное расстояние.

— Подождите. А вы не хотите объяснить мне: как вам удалось с ними договориться?

— Да все просто, — усмехнулся мужчина, — Один из ребят — братишка моего близкого друга. Я сказал, что вы моя девушка, ну и больше, я думаю, у вас с ними проблем не будет.

— То есть, вот так просто... но... и что теперь?

— Да я, собственно, ни на чем не настаиваю. Отвезу вас домой, и можем забыть друг о друге, если хотите... — Лара заметила хитрый блеск за его очками, — но как-то нужно было вас отбить от той шайки?

Она вдруг вспомнила, что совсем забыла его отблагодарить.

— Спасибо вам, — произнесла, вновь смущаясь под его взглядом.

— Да чего уж там, забудь.

— А как зовут моего спасителя?

— Алексей, — представился он и улыбнулся впервые за их встречу.

От его улыбки сердечко Лары ухнуло куда-то в пятки. Да, мужчина действительно был ещё тем красавцем. Конечно, он намного её старше и у него, наверняка, кто-то есть, может быть, даже жена и дети...

Правда, отчего-то Ларе захотелось тоже занять в сердце этого мужчины хотя бы небольшой уголок.

— Очень приятно, — пожала она его руку, — Мое имя вы уже знаете.

— Давай, на «ты», — предложил он, выруливая на перекресток, — а то я себя стариком чувствую.

— Давай, — согласилась Лара, — Ты меня у светофора высади. Я дальше сама.

— Договорились.

Алексей притормозил за светофором и прежде, чем отпустить Ларису восвояси, записал ей свой номер телефона:

— Вот держи. Если что — звони в любое

время, подъеду и накостыляю любому, кто на тебя руку поднимет.

— Спасибо, — ещё раз поблагодарила его Лариса и выскочила из машины на тротуар.

Он проследил за ней взглядом и вдруг вспомнил, где видел эту девушку раньше. Ведь именно здесь, несколько месяцев назад, возле этого самого светофора от облил её водой из лужи... Странная все-таки штука — жизнь. Ведь Алексей после того случая, всякий раз на этом перекрестке искал глазами ту смеющуюся девушку, а встретил неожиданно и совсем в другом месте.

Он усмехнулся и резво тронувшись с места, решил, что при следующей встрече обязательно её куда-нибудь пригласит.

Глава 5

В выходной день всегда хочется поспать чуть дольше обычного, понежиться в постели, всласть потягиваясь и зевая. Ведь не нужно никуда спешить, можно позволить себе слегка полениться. За окном громко «разговаривали» вороны: то басом, то тонким сопрано они выводили свои — «кара, ка-а-ар, краак!» Можно было подумать, будто бы это целый вороний оркестр разместился в берёзовой роще, которая находилась чуть в стороне от проезжей части и окружала собой два

пятиэтажных дома. Летом было хорошо прогуливаться в тени берёз, да и шум в квартиры доходил меньше, защищала листва и от пыли. Дышалось благодаря роше легко, будто за городом.

Лариса уже минут двадцать зевала и потягивалась, но пока не спешила подниматься из уютного кокона своего одеяла. Часы на её письменном столе мерно тикали, отсчитывая время. Было девять ноль пять утра, когда вдруг раздался шум в ванной. Будто бы что-то уронили или скинули. Лара насторожилась и, приняв вертикальное положение, прислушалась: точно. В ванной что-то продолжало падать, а потом слышался отборный, чуть приглушенный мат. Да такой витиеватый, что не каждый дворник мог вывести. Отец никогда не позволял себе таких выражений, а вот у матери случалось, правда, крайне редко...

Ни в одной перебранке с дочерью Елена Семёновна ещё не опускалась до нецензурных выражений. Должно было произойти нечто неординарное, чтобы вывести её из привычного равновесия.

Лариса подлетела с места и, запахнувшись в халат, выскочила из своей комнаты, прошлепала босыми ногами до ванной. Та оказалась запертой изнутри.

— Мам? — Лара постучалась, беспокоясь о

матери, — Мама, у тебя все в порядке? Открой дверь! Мам?

— Да. Все нормально, — откликнулась Елена, — Я сейчас выйду. Поставь чайник.

Лариса послушно выполнила просьбу матери и, минут через пять, та появилась в кухне — бледная, с растрепанными волосами и каким-то нервным взглядом, мечущимся по углам. Такой мать Лара ещё не видела. Обычно — ухоженная, всегда свежая и юная, она вызывала восхищенные взгляды у мужчин и зависть у женщин. Елена Семёновна всегда была миниатюрной, стройной и многие давали ей гораздо меньше лет, чем было на самом деле. Когда Лариса подросла и обогнала мать в росте, то их стали принимать за подруг, тем более, что и первых морщин на лице Елены Семеновны пока не замечалось.

— Мама, что с тобой? — Лариса не на шутку забеспокоилась о здоровье матери, — Ты себя нормально чувствуешь? Не заболела?

— Я? Да нет, вроде здорова. Не выспалась просто, — Елена прошла на кухню. А потом будто что-то вспомнила, остановилась на полушаге и развернулась, пошла к выходу, — Лара, будь добра, свари мне кофе. Я сейчас... вернусь.

— Хорошо, — удивленно проводила её взглядом Лариса, — Кофе так кофе.

Отец вновь был в командировке и должен

вернуться только через два дня, в понедельник ночью. Лара почти закончила учёбу в техникуме. Ей оставалось сдать несколько практических заданий, после чего была зачётная неделя, а там — самый приятный момент: получение дипломов. Радовало душу то, что буквально через несколько недель она станет дипломированным специалистом по салатам, борщам и другим поварским премудростям. Лариса вначале и не предполагала, что освоит эту сложную для неё науку и перестанет бояться подходить к плите. Теперь она не просто умела готовить, ей ещё стал нравиться сам процесс. Лара получала истинное удовольствие от того, что придумывала новые блюда, причем каждый раз экспериментировала с приправами к ним. Конечно, во всем этом была большая заслуга её учителя — Ильи Владимировича Кудасова. Которому Лариса была очень признательна за всё.

Лаврентьев после того случая в техникуме не появлялся, поговаривали даже, что он забрал свои документы. Впрочем, Лару устраивало, что больше не приходилось видеть это круглое лицо с ехидной улыбкой. Алексею она пока ни разу не позвонила, хотя и внесла его номер в свой мобильник, чтобы тот был под рукой — вдруг, пригодится.

Лариса нашарила телефон в кармане халата. Правильно. Где же ему ещё быть? Потому что вечером общалась с Катериной, которая

интересовалась, есть ли у подруги какие-то планы на предстоящие выходные. Наверняка она задумала какое-то культурное мероприятие. Поэтому Лариса тут же придумала массу неотложных дел и убедила подругу, что лучше на эти выходные оставить её в покое. Катерина была их тех неугомонных душ, которые никаким образом нельзя было удержать на месте больше пары часов. Она всегда куда-то спешила, что-то узнавала, где-то бывала. Неугомонная, живая и невероятно смешливая. Ларисе всегда было очень хорошо в её компании, только уставала она от болтовни подруги довольно быстро, и могла выдержать наедине не больше пяти часов. Впрочем, Наташку хватало только на два часа, а вот когда они собирались втроем, тогда как-то время проносилось незаметно, и голова от Катиного звонкого голоса не болела.

— Мам, твой кофе готов! — крикнула Лариса, отставляя турку в сторону.

— Иду... — как-то вяло откликнулась мать, чем ещё больше насторожила свою дочь.

«Да что это с ней сегодня?» — подумала Лара, хватая ползающий по столу свой мобильник. На экране высветился Наташкин номер.

— Ларка, привет! — радостно поздоровалась с ней Наташа, — Встала?

— Ага, привет, завтракаю уже, — ответила Лара, надкусывая бутерброд с ветчиной и отмечая

краем глаза, что в кухню входит мать.

— Слышишь, подруга, у тебя сегодня какие планы?

— Не знаю ещё, а что? — Лариса почувствовала в словах Наташи подвох и приготовилась отбиваться от любых возможных поползновений на её законный отдых.

— Да тут такое дело, — замялась Наташа. — Катя предлагает сходить с ней на выставку, какой-то фотограф-авангардист, очень уж она хвалит его работы, а у меня бабуля разболелась, да и... не люблю я по выставкам ходить...

— А я, значит, по-твоему, люблю? — хмыкнула Лариса, отпивая чай и наблюдая за механическими действиями матери. Елена Семёновна налила кофе себе в чашку и положила в нее уже четыре ложки сахара, при этом набрала пятую, с явным намерением не останавливаться на этом количестве. Тут Лариса не выдержала и, зажав трубку рукой, обратилась к матери, — Мам, ты размешай вначале.

Елена кивнула и принялась медленно помешивать в чашке, а Лара вновь обратилась к подруге:

— Наташ, а это случаем не Александра Родченко выставка?

Лариса слышала про его выставку по телевизору, а о творчестве фотографа знала от Ильи

Владимировича. Как-то разговаривали на тему об увлечениях, и оказалось, что известный повар любил фотографировать, правда, называл себя в этом деле полным дилетантом.

— Да, кажется... да-да, точно. Катька говорила Родченко. А что?

— Ну, если Родченко, то я схожу, но с тебя... — Лариса задумалась, чтобы такое попросить за несколько часов общения с Катериной наедине, — коробка конфет. Моих любимых, помнишь?

— Ларка, я тебя обожаю! Будет сделано, конфеты из-под земли достану! — воскликнула Наташа, — Ну, тогда договорились? Звоню Кате?

— Да. Звони.

Лариса повесила трубку и вновь обратила внимание на странную и какую-то слишком тихую мать.

— Ма-ам, — позвала она осторожно, нараспев, замечая, что Елена будто бы находится где-то далеко, — Мам, что с тобой происходит?

— Ничего, — ответила та, пожимая плечами и поднимая затуманенный взгляд на дочь, — Лар, ты мое обручальное кольцо не видела?

— Нет. А что?

— Значит, потеряла...

Эта новость ударила Ларису, будто обухом по голове. Обручальное кольцо мать носила с особой

гордостью, практически не снимая. Расставалась она с ним ненадолго, только когда принимала ванну. Боялась, что оно может в мыльной воде соскользнуть с пальца. Отец, когда брал Елену в жены, подарил ей бабушкино кольцо — широкое. Лара как-то померила его линейкой — двенадцать миллиметров, сейчас таких и не найти, тоненькие все и легкие. Теперь Ларисе стало понятным, отчего мать так загрустила: вот придет папка, а она без кольца. Будто и не жена ему.

— Мам, а, может, ты положила куда-нибудь и забыла? Давай вместе поищем? — предложила Лариса свою помощь.

Елена только отмахнулась:

— Нет, Лара, бесполезно. Я везде искала. Наверное, с перчаткой сняла, когда вчера вечером по телефону на улице разговаривала, — Елена Семёновна тяжело вздохнула, — Теперь не найти. Ладно, не бери в голову. Ты сегодня дома?

— Нет. Я через два часа уйду. Вернусь к вечеру, — на всякий случай уточнила Лариса, потому что была уверена, после выставки Катя потащит её в какое-нибудь кафе или чего доброго на концерт, — А ты?

— Дома буду. Позвони, как домой пойдешь. Я на ужин что-нибудь приготовлю.

— Хорошо.

Пока Лариса собиралась, ей дважды

позвонила Катерина, посетовала, что пришлось её отрывать от дел, заодно поблагодарила, что не придется идти в одиночку, а во второй раз уточнила их место встречи — у метро, на станции «Речной вокзал». Одеваясь, Лариса то и дело возвращалась мыслями к Елене Семеновне. Между ними всякое было, особенно в последнее время, но все-таки родная мать никогда не была для Ларисы заклятым врагом.

«Она просто не умеет любить» — сказал как-то её отец, после очередной ссоры, когда Лара очень сердилась на мать.

— Пойми, котенок. У твоей мамы никогда не было своей семьи. Она росла в детском доме, а там можно научиться лишь одному — выживать. Её никто не научил — любить. Вот она и не умеет, хотя очень хочет научиться.

— Не поздно ли учиться? — огрызнулась Лариса, — Мне уже не два года, пап! Я взрослая, понимаешь?

— Я понимаю, Ларусь. Но и ты пойми. Ей просто хочется, чтобы ты была счастливой и не повторяла наших ошибок. Пообещай мне, что будешь терпеливее к маме.

— Ладно, — буркнула она тогда, не очень-то веря отцу.

Теперь впервые задумалась. Ведь он прав: сколько раз она ловила на себе странный взгляд

матери, будто бы та хотела что-то сказать и не решалась. И, в те редкие случаи, когда мать проявляла свои чувства, казалось, что делает это с большим усилием, словно через себя. Наверное, ей и правда трудно, но все-таки у Елены Семеновны есть к дочери и мужу сильная привязанность. Возможно, поэтому она и тоскует, когда отца нет дома, и вот сейчас, из-за кольца, так сильно расстроилась.

Катя набросилась на Ларису как ураган, едва та вышла на остановке из автобуса.

— Привет! Я уже боялась, что ты не придешь. Почему так долго?

— Автобус один сломался, а второй только через двадцать минут подошел, — оправдывалась Лара, при этом она начала сожалеть, что вообще согласилась на эту встречу.

Погода стояла чудесная: солнце ласкало, дарило пока ещё не летнее, но все-таки тепло; воробьи прыгали через лужицы; цвела сирень и её аромат разносился по округе, заставляя глубже дышать и улыбаться, словно бы праздничному дню. Хотелось погулять где-нибудь в сквере или вообще выехать за город, на пикник.

— Ладно, идем! — скомандовала Катерина и потащила Лару за собой к метро, затем они проехали две станции. Во время поездки подруга не замолкала ни на минуту, расписывая таланты

великого фотографа, который искал себя в творчестве, рассматривая его как огромный эксперимент. Судя по всему, Александра Родченко привлекало многое. Он попробовал себя в живописи, графике, занимался пространственными конструкциями, был декоратором, дизайнером, фотокорреспондентом.

— Ты представляешь, а ведь он первый, кто придумал рекламу в России.

— Да уж, нашел, что придумывать, — хмыкнула Лара.

— Ты просто не понимаешь, — Катя поджала губы, заметив, что её пламенная речь не произвела никакого впечатления на подругу.

— Катюша, конечно, не понимаю, поэтому и иду с тобой, чтобы увидеть своими глазами, чего он там такого смог придумать.

— Ты только когда будешь смотреть, сильно не возмущайся, там ведь время другое, эпоха, понимаешь?

— Угу, — кивнула Лара, принимая серьезный вид, хотя самой так и хотелось сказать что-нибудь смешное, даже крутилось на языке: «Клянусь быть паинькой — не шаркать ногами, говорить только шепотом и вести себя крайне прилично», но решила не портить Катерине настроение и только произнесла, — Не волнуйся, Катюш, я думаю, ты не потащила бы меня на какую-нибудь ерунду. Так что

я тебе полностью доверяю.

Подруга улыбнулась и впервые за их встречу притихла. Они подошли к зданию бывшего детского сада, о чем говорила вывеска на покосившихся железных воротах. Её видно забыли снять новые хозяева. На здании имелась табличка: «Школа художественного творчества». Как оказалось, именно здесь и организовали выставку.

— Экспозиция работ Александра Родченко проходит на втором этаже, — проверив билеты, хмуро изрекла толстая вахтерша и кивнула в сторону лестницы.

Девушки поднялись на второй этаж и сразу же увидели множество стендов с картинами и черно-белыми снимками. Замирая перед работами давно ушедшего из жизни художника, Лара не могла понять, что именно притягивает её в его снимках и картинах. Идет будто бы полное погружение в другой мир. Лица людей — совсем иные, словно между прошлым и настоящим лежит огромная пропасть, а всего-то прошлый век...

Ларису поразила фотография под простым названием «Пионерка». Лицо этой девочки казалось очень взрослым, будто бы она старше не только Лары, но и её матери. Складочка над бровями и тяжелый взгляд, устремленный куда-то в неведомое пространство, и губы сжаты, словно бы они хранят великую тайну...

Фото с названием «Пионер» — вызвало недоумение: что хотел сказать автор снимка? Высоко задранная голова мальчишки и счастливая улыбка, открывающая неровный ряд зубов, а ещё торчащие в сторону уши, но лучше всего виден нос, будто бы проведена параллель с Гоголевским произведением.

Лара прошла дальше и замерла перед портретом пожилой женщины. И долго рассматривала этот снимок, не вполне понимая: что именно заставляет её стоять возле него, почему трудно оторвать взгляд от этого покрытого морщинами лица? Старушка как будто старается что-то прочесть, скорее всего в газете и подносит очки одной линзой к правому глазу, возможно, тот видит лучше. А на её лице отражается невероятно глубокая задумчивость, такая, что хочется спросить: «О чём там пишут, мать?»

Лариса словно бы на некоторое время выпала из реальности. К ней подошла Катя и шёпотом спросила:

— Ну, как тебе?

— Нравится, — искренне ответила ей Лара, — Даже не ожидала, что тут такие снимки — уникальные.

— А я тебе что говорила?! — просияла Катя, — Ларис, я тут узнала, сейчас в соседнем зале будет небольшой экскурс в мир художника, можно